

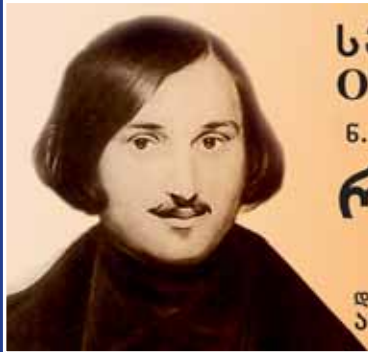

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 179
СЕЗОН 179

სექტემბერი-ოქტომბერი СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ 2024

სეზონის გახსნა ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА

ნ. გოგოლი

რევიზორი

ფანტასმაგორია ორ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

21 სექტემბერი 19 ოქტომბერი
сентября октябрь

Н. Гоголь

РЕВИЗОР

Фантасмагория в двух действиях

Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

სექტემბერი		СЕНТЯБРЬ	
21 შაბ. Сб.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	რევიზორი ფანტასმაგორია ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	РЕВИЗОР Фантасмагория в двух действиях (Большой зал)
26 ხუთშ. Чт.	ნ. მაზური Н. Мазур 19.00	აგნეს, შექსპირის ცოლი ნარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АГНЕС, ЖЕНА ШЕКСПИРА Представление в одном действии (Малый зал)
27 პარ. Пт.	რ. კლდიაშვილი Р. Клдიაшвили 19.00	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)
28 შაბ. Сб.	ს. ალექსიევიჩი С. Алексевич 18.00	ჩარნობილის ლოცვა დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)
29 კვ. Вс.	პ. ტრევერსი П. Треверс 12.00	მერი პოპინსი მუსიკალი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	МЭРИ ПОППИНС Мюзикл в одном действии (Большой зал)
ოქტომბერი		ОКТАБРЬ	
5 შაბ. Сб.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	შავილიის ნარილაზი ტრაგიკომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО Трагикомедия в одном действии (Малый зал)
6 კვ. Вс.	ს. მროვეცი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)
11 პარ. Пт.	ი. ბუნინი И. Бунин 19.00	სიყვარულის ხეივანები საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Романовые истории в двух действиях (Большой зал)
12 შაბ. Сб.	ს. ალექსიევიჩი С. Алексевич 18.00	ჩარნობილის ლოცვა დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)
13 კვ. Вс.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	არ დაიდარდო! დანელიადა ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НЕ ГОРЮЙ! Данелиада в двух действиях (Большой зал)
18 პარ. Пт.	რ. კლდიაშვილი Р. Клдიაшвили 19.00	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)
19 შაბ. Сб.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	რევიზორი ფანტასმაგორია ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	РЕВИЗОР Фантасмагория в двух действиях (Большой зал)
20 კვ. Вс.	ბ. კალატოზი Н. Калатош 12.00	ზადის ჯადოსნური საჩუქარი მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ВОЛШЕБНЫЙ ПОДАРОК СУДЬБЫ Музыкальная сказка в одном действии (Большой зал)
20 კვ. Вс.	ს. მროვეცი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:

Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(227)
Сентябрь 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «НОВАЯ ВОЛНА» ГИЗО ЖОРДАНИЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 ТОСКА ПО ДЕТСТВУ
ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ
- 17 ПАРИЖ 2024: ТРИ ЗОЛОТА И МЕДАЛЬ КУБЕРТЕНА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 19 НЕ СПОРТОМ ЕДИНЫМ
ХАННА ПЕНМАН
- 24 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 КРАСОТА В ДВИЖЕНИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 34 «ВИТЯЗЮ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ» ВЕРНУЛИ ПОЗОЛОТУ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 35 КЛАДБИЩЕ
НОДАР ДУМБАДЗЕ
ПЕРЕВОД К. М. КОРИНТЭЛИ
- 38 ОН СТРАСТНО ЛЮБИЛ ГОРЫ, И ГОРЫ ЗАБРАЛИ ЕГО
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 39 «ДА НИЧЕГО-С...»
ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ
- 40 ПОД НЕБОМ РОДИНЫ ЛЮБИМОЙ...
ГУРАМ ШАРАДЗЕ
- 44 ЖЕНСКОЕ ДЕЛО
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 46 ДОНЕЦКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ И БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 50 БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ НА ЗЕМЛЕ
ГОДЕРДЗИ РТВЕЛИАШВИЛИ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

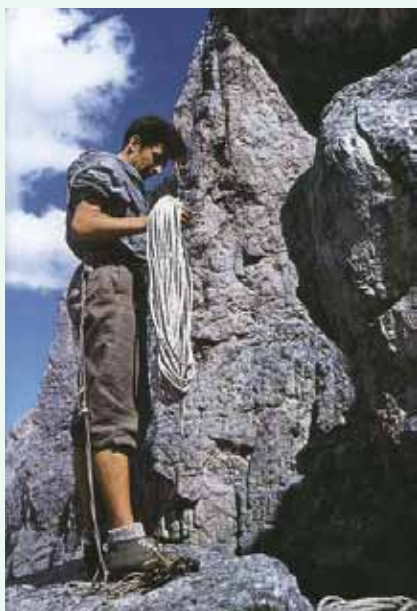
На обложке – ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ

а от до

Роб АВАДЯЕВ

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

В самый первый день осени 1924 года в австрийском городе Инсбруке родился один из величайших альпинистов в истории Герман Буль. Он был младшим из четырех детей матери-одиночки. В возрасте трех лет, после внезапной смерти матери, его поместили в детский дом, где он провел немало лет. Но именно там он впервые познакомился с горами — учитель физкультуры вывез нескольких мальчиков на летние каникулы в предгорья Альп, где самые сильные из них сумели совершить несложное восхождение на вершину высотой в два с половиной километра. Это была любовь с первого взгляда. Герман стал посещать занятия Горного клуба и совершать восхождения, постепенно повышая сложность маршрутов. В восемнадцать его призвали в армию, где он стал военным санитаром. Участвовал в сражении при Монте-Кассино и попал в плен к американцам. После войны стал профессиональным

альпинистом-гидом, водил в горы туристов и совершил более сотни восхождений по сложнейшим скальным маршрутам. В возрасте 29 лет Германа Буля пригласили участвовать в гималайскую экспедицию на грозную Нанга-Парбат. Экспедицию сопровождали многие неудачи, и, казалось, и на сей раз эта прекрасная вершина останется непокоренной. Руководитель экспедиции по рации запретил альпинистам, находящимся в высотном лагере, штурмовать вершину. Но Герман не подчинился и в одиночку отправился наверх. Он сумел взойти на вершину соло. На вершине Буль сфотографировал пакистанский и тирольский флаги, привязав их к своему ледорубу, который оставил на вершине (он простоял там до 1999 года, пока его по неосторожности не уронили). До палаток Герман вернуться не сумел и провел ночь на узенькой скальной полке. Как он вынес испытание высокогорьем и ледяным ветром — непонятно. А внизу его уже посчитали погибшим, похоронили. И только двое его коллег увидели вдалеке еле двигающуюся точку — это возвращался чуть живой первовосходитель. Его восхождение заняло более 40 часов. На родине Германа Буля встречали как героя. Но, отдохнув несколько месяцев, он не стал почитать на лаврах, а продолжил свои подвиги. Через четыре года он с друзьями совершил еще одно первое восхождение на восьмимысячник, но спустя несколько дней погиб при восхождении на гору по соседству с покоренной. Под ним обрушился ледовый карниз. Тело Германа Буля, безупречного героя современных легенд, рыцаря гор, так и не было найдено.

ВЕЛИКИМ ОН НАЗВАЛ СЕБЯ САМ

Все-таки эти древние римляне были большими молодцами. Вот, скажем, соберешься найти в исторических источниках упоминания и подробности о жизни какого-нибудь легендарного персонажа типа Геракла, Тесея, Атиллы или Рюрика — как не тут-то было. Нет ничего точного, одни легенды или дошедшие через века и тысячелетия сплетни. А вот в истории Рима совсем другое дело — тут тебе и детальные очерки в работах историков, посвященные знаменитым историческим деятелям, и сохранившиеся свидетельства современников, и даже отчеты о работе сената разных веков от царей и республиканских времен до империи. А у каких историков мы с точностью до дня можем узнать, когда родился

знаменитый исторический персонаж? Разве что у добросовестных и скрупулезных китайцев. Здорово у древних римлян был организован аппарат государственного управления, налоговая служба и архивная работа. Например, копии договоров, купчие на покупку недвижимости и оригиналы завещаний римлян хранились в храме у весталок, а финансовые отчеты поздней республики и империи — в подвалах Храма Сатурна на Форуме. И перепись населения проводилась регулярно. Так что найти точные данные о жизни и обстоятельствах жизни малоизвестных римлян не составляет большого труда. Итак, что нам известно о жизни такого великого римского полководца I века до н.э., как Помпей Великий? Да, все — от рождения в пиценской глуши до гибели на пустынном египетском берегу. Родился он 29 сентября 106 года до нашей эры, то есть 2130 лет, назад далековато от Рима, в богатой плебейской семье. Его отцом был лихой провинциальный богач и полководец Гней Помпей Страбон, из-за своей жестокости прозванный Мясником. В родном Пицене род Помпеев был кем-то вроде всемогущих олигархов, у которых одна половина жителей была должниками, а другая — клиентами, то есть зависимыми сподвижниками. Будущего героя Рима звали так же, как отца, что было известной традицией, но молодому симпатичному блондину не нравился родовый когномен — третье имя «Страбон», что в переводе означает «косой». И он сам придумал себе агномен (личное прозвище) «Магнус», то есть «Великий». Скромностью этот человек никогда не отличался. Славился он своей храбростью и силой еще с участия в походах своего отца. Кстати, его другом в те времена был щуплый и слабоватый будущий мудрец Цицерон, попавший в армию по призыву. Мальчики сдружились, но солдат из дохлятины Цицерона был никакой. Карьеру

молодой Помпей начал в двадцать, когда самовольно собрал в своей провинции три легиона и примкнул к армии всесильного Суллы, объявив себя главным союзником. Жестокого диктатора скорее рассмешил молодой нахал. Но он увидел в нем большой потенциал и не ошибся. Полководцем Магнус, как он велел всем себя называть, стал гениальным. Каких побед он только не одерживал — и над Серториєм в Испании, и над одной из колонн Спартака, и над Малой Азией в Третьей Митридатовой войне. Помпей успешно командовал войсками в Италии, Сицилии, Африке, Армении и Испании. Он даже за три месяца сумел очистить Средиземное море от киликийских пиратов. И по праву стал первым человеком в Риме. А в 60 году до н. э. Помпей вместе со своими заклятыми «друзьями» Марком Лицинием Крассом и Гаєм Юлием Цезарем организовал первый триумвират — так называли неформальное объединение трех ведущих римских политиков того времени. И каждому из них, как поется в песенке, «никто не посмел мне ни слова сказать», настолько они были сильны. А с Цезарем Помпей даже породнился, женившись по любви на его единственной дочери Юлии. Но, к несчастью, девушка умерла при родах. А после гибели в Персии Марка Красса триумвират рассыпался. И между резко усилившимся в результате галльских войн Цезарем и пошедшим на компромисс с Сенатом Помпеем Магнусом началась размолвка, переросшая в гражданскую войну. А дальше был Рубикон, отступление Помпея с войском в Грецию, поражение от Цезаря при Фарсале, побег с семьей в Египет и бесславная гибель бывшего первого человека в Риме. Но Цезарь, его враг на поле боя, оплакал погибшего противника, сподвижника, приятеля и несостоявшегося родственника и даже отомстил за его смерть. Но в историю Помпей Великий вошел, как ни странно, как неудачливый соперник Цезаря.

МИР СПУСТЯ 2131 ГОД

Неистовый и упрямый древнеримский сенатор, знаменитый моралист Катон Старший буквально ежедневно провозглашал с высокой трибуны: «Carthaginiem delendam esse», то есть «Карфаген должен быть разрушен!» Так он завершал все свои речи на самые разные темы. Выступать этот товарищ очень любил и говорил всегда подолгу, традиционно завершая свой спич призывом разрушить чужую столицу. Надоел он сенаторам до крайности, хотя они

долго терпели. Но в итоге сдались и вынесли постановление об окончательном решении Пунического вопроса. Тема Карфагена стояла на повестке долгие годы, ведь Рим воевал с соседями-карфагенянами давно, долго и не всегда успешно. Один Ганнибал с его слонами полтора десятилетия мотался по всей Италии из конца в конец, погубив не одну консульскую армию. Пунических войн было три, и длились они, с перерывами, 118 лет. Пока в результате последней Сципион Африканский не победил карфагенскую армию под командованием самого Ганнибала при Заме. И вот, следуя настойчивому призыву Катона Старшего, Карфаген взяли и разрушили... Но великие города так просто не сдаются. Через примерно сто лет Цезарь повелел заново отстроить Карфаген. Город снова расцвел, став столицей провинции Африка. Его вновь населяли несколько сотен тысяч жителей. И так продолжалось до середины V века нашей эры, пока его не захватили сначала вандалы, которых спустя несколько десятков лет выбили византийцы. А после Карфаген захватили арабы и вновь его частично разрушили. А в XIII веке его окончательно уничтожили крестоносцы. Сейчас руины великого города раскопаны и находятся в получасе езды от столицы современного Туниса. Туристы их посещают охотно. А недавно выяснилась удивительная вещь — Третья Пуническая война... не завершена! То есть древняя война формально продолжается и в наше время, спустя больше двух тысячелетий. Этот исторический парадокс было решено исправить. В 1985 году римский мэр Уго Ветере, во время официального визита в город Тунис, подписал с его мэром Чедли Клиби мирный договор, завершивший войну между Римом и Карфагеном. Мир восторжествовал спустя 2131 год! Понятно, что договор носил чисто символический характер. Ведь населяющие современный Тунис арабы не имеют никакого отношения к древним карфагенянам. Как и современные итальянцы — к древним римлянам.

ЮБИЛЕЙ КОНФУЦИЯ

Мы упоминали о тщательности и добросовестности китайских историков. Они очень внимательно изучают письменные и изустные источники с указанием древних дат и событий, и выяснили, что величайший китайский философ Конфуций родился 28 сентября 551 года до н.э., то есть 2575 лет назад. Не все ученые, конечно, согласны с этими выводами, но традиционно в Китае отмечают день его рождения в конце сентября. Этот мудрец оказал влияние не только на китайскую, но и на корейскую, японскую и вьетнамскую философию и образ жизни. В результате следования его идеям и родилось конфуцианство — учение, ставшее основой философской системы. Она базируется на личной и политической этике, правильности социальных отношений, справедливости, уважении к семье и иерархической власти, честности и искренности. Конфуций родился в семье пожилого высокопоставленного воина от молодой наложницы и

осиротел в самом раннем детстве. Матери с маленьким ребенком пришлось покинуть родной дом из-за ссор со старшими женами умершего аристократа. Но она сумела воспитать мальчика, хоть и в бедности, но благополучным и прекрасно образованным. В течение долгих лет жизни Конфуций трудился чиновником в княжеских правительствах на исходе эпохи империи Чжоу, когда власть стала номинальной, разрушалось патриархальное общество, и на место родовой знати пришли правители отдельных царств, окруженные незнатными чиновниками. Но в итоге Конфуций, убедившись в невозможности наладить справедливый порядок в государстве, оставил службу и отправился со своими учениками в долгое путешествие по землям Китая, пока в старости не вернулся в родной город, где провел последние годы, обучая своих последователей и систематизируя свое учение. Ученики собрали его изречения в книгу «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), которая стала особо почитаемой книгой конфуцианства.

Конфуцианство — вовсе не религия, хотя бы потому, что нет самой церкви.

«НОВАЯ ВОЛНА» ГИЗО ЖОРДАНИЯ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

25 сентября режиссеру, педагогу, народному артисту Грузии, профессору Гизо Жордания исполнилось бы 90.

Союз «Русский клуб» посвятил этому событию книгу под названием «Магическое «если бы». Гизо Жордания». Предлагаем нашим читателям несколько глав из нее, касающихся «грибоедовского» периода режиссера.

В театр имени Грибоедова Жордания пришел в интереснейшее время поиска новых идей, форм – в драматургии и режиссуре. Пьесы, написанные еще в 70-е годы (их называют поствампиловской драматургией, или драматургией «новой волны»), но нашедшие свой путь на сцену только в начале 80-х, накануне масштабных политических сдвигов и радикальных перемен в общественном сознании, давали прекрасный материал для обновления самого духа театра.

«ОСКОЛОК САМОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

Жордания вдохновила нашу мевшая и признанная легендарной пьеса «новой драматургической волны», «Старый дом» Алексея Казанцева, создавшего (вместе с Михаилом Роциным) одну из площадок развития движения «новой волны» и проведения экспериментов в области режиссуры и хореографии – Центр драматургии и режиссуры. И вновь предчувствие, вернее, чутье художника не обмануло Гайоза Вуколовича, обратившегося к частной истории, разворачивающейся на фоне исторических сломов.

«Старый дом» – из тех произведений, что наводят мосты между современностью и вчерашним днем, свидетельство характерного для трех последних десятилетий СССР

бурного кипения общественной мысли, вызванной к жизни художественным процессом», — отмечает Евгений Хакназаров в рецензии на спектакль по этой пьесе, поставленный уже в наши дни.

Пьеса Алексея Казанцева — типичный пример драматургии «новой волны» с изображением негативных сторон жизни и безысходностью, что проявляется не только в обстоятельствах быта и бытия персонажей, но, прежде всего, в какой-то обреченности самих героев. И это, безусловно, симптом времени. Отношения влюбленной пары — школьных выпускников Олега и Саши — разрушаются не из-за происков месткомовского активиста Рязая, который берет на себя миссию блюстителя нравственности, а из-за них самих. Видимо, была какая-то червоточка в их незрелой любви, если Олег в какой-то момент не устоял перед соблазном — изменил Саше с сексапильной возрастной соседкой. Чтобы потом вернуться к любимой с покаянием. А Саша могла бы простить, ведь когда любишь, готов отпустить многое. Но, видимо, была эта самая червоточка и в ее чувствах. В пьесе Казанцева все взаимоотношения и персонажи какие-то нездоровые, и в такой атмосфере не может выжить даже большое чувство — оно обречено. Ведь во всем, что происходит с героями, можно найти причинно-следственные связи. Ошибки отцов отражаются на судьбах детей, невежество и агрессия правят бал, в итоге — все несчастны.

Пьеса дала возможность Гизо Жордания показать зрителям «осколок самой действительности» (вспомним его программную установку, что лицо театра определяют пьесы откровенно полемичные, с острой, общественно важной тематикой, отражающие черты нашего времени). При этом, как утверждает театральный критик Ираклий Химшиашвили, режиссер пошел дальше, и если сама драма не поднимается над бытом, постановщик «постарался создать между изображаемым в произведении и тем, что мы воспринимаем, некий объем. Если в пьесе в центре частная жизнь людей

(конечно, и здесь наличествует некое обобщение), то в спектакле выведено явление. И то, что, казалось бы, могло лишь сгустить краски, дает обратный эффект. Потому что, когда явление названо, в этом уже путь его преодоления. Мы не в силах помочь персонажам, но мы можем постараться избежать их ошибок. Спектаклю предпослан эпиграф из «Воскресения» Л. Толстого. «... Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что свяшенно и важно не это весеннее утро, а... свяшенно и важно, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом». И эти «большие, взрослые люди» возникают перед нами из-за бацков с мусором (сценография Г. Гуния), как бы вырастая из них. Однако «мусор», по спектаклю, это не они сами, а то, во что эти люди превращают свою жизнь. Краски весны, свет не пронизывают сценическое пространство, но важно, что они существуют, что они незримо оттеняют показываемое... Театр, а вместе с ним зрители, переживают на этом спектакле если и не возвышенные, то возвышающие нас над мелочами быта и сближающие чувства доброты и снисхождения друг к другу».

Спектакль не оставил равнодушными интеллектуалов, пробудив целый ряд мыслей и ассоциаций. «Милый старый дом! Дом — не просто жилье, более или менее удобная квартира. Это память об отце, матери, детстве. Даже не просто память, а как бы присутствие дорогих людей и дорогого прошлого в настоящем. Но дом — это и целый большой мир, в котором прошлое, настоящее и будущее связаны преемственной связью, не имеющая временных границ грандиозная строительная площадка, на которой совершается неумолимое движение вперед. В пьесе не раз и как будто невпопад произносится фраза о том, что дом хотят снести, а в нем жил Лев Толстой. Дом — это святыня и живой завет, и память о нравственных ценностях, которые не должны быть забыты. Мысль об ответственности человека за жизнь

числилась в разряде выстраданных мыслей Толстого, он ее повторял не раз... А он для нас — далеко не канонический образ непогрешимого яснополянского мудреца. С его именем связано представление о вечном недовольстве собой, о гигантской внутренней работе самовоспитания. «Мы все люди слабые, стремящиеся быть лучшими, жить лучше. Зачем ставить себе предел?» (из письма В.Г. Черткову). И еще одна удивительная запись 1908 года: «Учись жить». Спектакль приобщает зрителя к этому беспокойству высокой мысли: не существовать, как придется, непорядочно, грязно, мелко, а «учиться жить», помня, что в доме жил до тебя Толстой... В стремительном движении каждодневной жизни вы вдруг останавливаетесь, в наступившей тишине оглядываетесь на себя и думаете о высшем смысле жизни и о том, какое счастье и какая ответственность — жить на земле», — пишет в своем отклике на спектакль профессор ТГУ имени И. Джавахишвили, доктор филологических наук Лина Хихадзе.

ТРИЛЛЕР С КОННОЙ ПОЛИЦИЕЙ

Эти два названия не зря объединены вместе: пьесы «Вагончик» Нины Павловой и «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской, относящиеся к драматургии «новой волны», связывает тема трудных подростков. И как тут не вспомнить слова режиссера о том, что трудное детство и безвременная кончина отца заставили его, старшего сына, рано почувствовать ответственность за младших, за семью? Не отсюда ли интерес к «подростковой» теме и — больше — стремление опекать и воспитывать молодых, заниматься педагогикой?

Что же касается проблематики «Вагончика» и «Елены Сергеевны», то появление таких пьес тоже стало знаком кризисных лет. Об этом пишут Е. Кабилова и Т. Журчева в своем исследовании «Подростковая пьеса рубежа XX-XXI веков: тема и адрес»:

«В первой половине 1980-х, в канун перестройки, одной из ведущих тенденций подростковой драмы становится так называемая драматургия «шоковой

После премьеры спектакля «Сорок первый»

терапии», продолжая открытый разговор «взрослой драматургии» о накопившихся в застойное время общественных недугах. Многие пьесы этого времени, поднимающие проблемы нравственного разложения, подростковой жестокости и наркозависимости, выросли из реальных историй и журналистских очерков».

В качестве примера авторы называют «Вагончик» Нины Павловой. Заинтересовавшись пьесой, Гизо Жордания пригласил драматурга в Тбилиси, на репетиции спектакля, и Павлова с радостью согласилась и по приезде активно включилась в творческий процесс (О Нине Павловой – особый разговор. Будучи человеком глубоко верующим, позднее она стала христианской писательницей. Практически одновременно с театром Грибоедова пьесу выпустили во МХАТе – поставил спектакль ныне знаменитый, а тогда молодой режиссер Кама Гинкас. Критика отмечала: «Вагончик» Нины Павловой в еще не разделенном МХАТ на Тверском бульваре представлял многолюдным провинциальным эпосом, беспощадным запечатлением «пригородной» российской убогости и страстным ночным материнским молением о заблудших юных до-

черях».

Беспощадно острым, публицистичным, эмоциональным получился спектакль у Гизо Жордания. Он вызвал в зале бурю эмоций. «Вагончик», на грибоедовской сцене он шел под названием «Жили-были девочки» (в пьесе рассказано, как группа девочек-подростков жестоко избивает сверстницу и в итоге предстает перед судом), показали на гастролях в Ставрополе спустя шесть лет после премьеры, в 1988 году, после чего в местной газете в рубрике «Размышления зрителя после спектакля» появился отклик под названием «Ищу человека»: «Пьеса только ставит вопросы, заставляя задуматься, призывая сопереживать героям и попытаться их понять. Но есть все же один эпизод в спектакле, который мог послужить ответом, хоть спорным и небезоговорочным. За всей бравадой и цинизмом, которым прикрываются девочки, прокурор и журналист пытаются разглядеть то человечески доброе, что они так тщательно стараются скрыть, пытаются увидеть в каждом из них человека. Одна из подсудимых, Зина Пашина, с иронией произносит горьковскую фразу: «Человек – это звучит гордо», но ирония эта неожиданно возвращает фразе

ее первоначальный, истинный смысл. Именно Человека эти девочки-бандитки и не встретили в жизни и свое человеческое запрятали слишком глубоко [...] В финале они выслушивают приговор, очень мягкий, и на их лицах выражается радость сродни той, которую испытывает животное, ушедшее от опасности, но уже в следующую минуту девочки понимают, что в приговоре была не только буква закона. Там было отношение судьи, пожилого человека, потерявшего мальчиком на войне обе ноги, к нынешним подросткам, которым только предстоит жить. И впервые за весь спектакль зритель видит девочек без масок, ликование от миновавшей опасности сменяется радостью человека, встретившегося с добротой и пониманием. Значит, им нужна была прежде всего такая встреча, не правда ли? По-моему, в таком ракурсе решают проблему, поставленную в пьесе, создатели спектакля. И хотя такое решение представляется несколько прямолинейным, его все же можно принять в качестве одного из вариантов».

Будто не желая расставаться с подростковой темой, буквально через полгода Гизо Жордания выпускает «Дорогую Елену Сергеевну» Людмилы Разумовской. До сих пор, даже спустя несколько десятилетий, вспоминая спектакль с восхищением. В 1982 году он стал настоящей сенсацией, публика брала на абордаж билетную кассу.

Психологический триллер «Дорогая Елена Сергеевна» о циничных школьниках, готовых ради достижения своих целей пойти на все, даже применить насилие по отношению к учительнице, был поставлен Гайозом Жордания вместе с режиссером Гоги Чакветадзе. Это сегодня никого не удивит чернухой страшнее пьесы Людмилы Разумовской, а вот в 80-е годы прошлого века публика еще не привыкла к такому жесткому, обнаженному сценическому языку «на грани», к такому страстному обличению отчужденности в семье и обществе, тотальной фальши, равнодушия и вседозволенности, в атмосфере чего девочки и мальчики становятся

жестокими, бездушными и безнравственными. Публика была шокирована! Что же говорить об администрирующих чиновниках? Поэтому и не удивительно, что у «Дорогой Елены Сергеевны» оказалась довольно сложная сценическая судьба. Спектакль сохранялся в репертуаре совсем недолго, но запомнился навсегда. Зал был буквально захвачен действием. Актеры играли блестяще – тонкая, интеллигентная актриса Лариса Крылова представляла благородную и неподкупную учительницу, а ее аморальных учеников, доведших женщину до самоубийства, – Валерий Харютченко, Михаил Амбросов, Лариса Некипелова, Игорь Пилиев.

Гизо Жордания: «Спектакль пользовался успехом у зрителей. Вокруг него был большой ажиотаж. Долгое время я понятия не имел, что в Тбилиси существует конная милиция. Однажды перед началом представления у Грибоедовского театра появились два всадника. Прибыл какой-то высший чин, который занимался призывниками – генерал-полковник, с женой. У Эдуарда Шеварднадзе было запланировано бюро, и он не смог прийти на спектакль. Не знаю, специально он это сделал или нет. Кстати, наш диссидентский спектакль пользовался, как это ни парадоксально, успехом у функционеров, членов ЦК, работников Совета министров, приобретающих сразу по десять-пятнадцать билетов. Не знаю, что их привлекало – должно было быть совсем наоборот. Когда я увидел генерала, мне это сразу не понравилось. Интуиция подсказывала, что грядут неприятности. Тем более что Эдуард Амвросиевич не пожаловал. Я как в воду смотрел: после спектакля у чина резко подскочило давление. Вызвали «скорую помощь». Заместитель директора Светлана Казинец сказала мне: «Гайоз Вуколович, он в ненормальном состоянии! Мы погибли». В театр срочно прибыл Отар Тактакишвили. Попросил дать ему пьесу, как будто она уже не лежала ТАМ. Спросил, когда еще будет спектакль.

Девять спектаклей было к этому времени уже продано и дальше предполагалось реализовать еще тридцать – в новом сезоне. И вот в Москве собралась коллегия Министерства культуры с участием представителей Министерства обороны. Вынесли вердикт изъять пьесу из репертуара советских театров, «и в том числе из репертуара грузинского театра имени Грибоедова». Не то что запретить, а именно – изъять. На территории Советского Союза разрешено было оставить только в Прибалтике, в каком-то театральном подвале. Приняли решение поставить на вид министру культуры, объявить строгий выговор заместителю. А меня вызвали в ЦК, к Гураму Енукидзе. «Что случилось?» – спрашиваю. Он излагает мне всю эту историю с чином. Тут раздается звонок – Енукидзе вызывают на 9-й этаж, к Шеварднадзе. По возвращении Енукидзе рассказал, что, когда он зашел к Эдуарду Амвросиевичу, там сидел Нодар Думбадзе. Шеварднадзе спросил Енукидзе: «Что за ужас вы показали тому человеку?» Тут в разговор вмешался Нодар: «Не ужас, а прекрасный спектакль!» Думаю, Нодар не видел «Елену Сергеевну» – просто поддержал...

После этого Шеварднадзе на заседании городского актива поддержал спектакль. И народ хлынул на него с новой силой. Но потом пришло то самое злополучное постановление об «изъя-

тии». Это мне тоже поведал сам Енукидзе. Когда он поднимался к Шеварднадзе, то был бледен, а по возвращении приобрел цвет».

Валерий Харютченко (исполнитель роли Володи): «Мы сыграли спектакль 25 раз при полных аншлагах. А потом его запретили как подрывающий основы советской морали. Наш театр одним из первых поставил эту острейшую пьесу Людмилы Разумовской. Как-то мы играли «Дорогую Елену Сергеевну» для учителей – участников педагогической конференции. Зрители разделились на два лагеря. Во время действия в зале раздавались возгласы: «Такого в наших школах не бывает!..» Была даже слышна ненормативная лексика. Когда я завершал пламенный монолог Володи, этого нищезантствующего анархиста, звучали аплодисменты. Возмущенная же часть зрителей выкрикивала: «Кому хлопаете?» Им отвечали: «Артисту!» В зрительном зале чуть до потасовки не дошло.

На следующем спектакле Гайоз Вуколыч решил погасить эти аплодисменты, адресованные мерзавцу: попросил Мишу Амбросова, игравшего роль Паши, приготовиться и на последних словах моего монолога разбить пустую бутылку над ведром и тем самым перебить нежелательную реакцию зала. Миша выполнил указание, я же использовал этот громкий звук как восклицатель-

«Вагончик»

ный знак к своему монологу. Аплодисменты раздались вновь. Смеясь, Гизо сказал: «Ты такой хитрый, сделай что-нибудь, чтобы тебе не хлопали!» Я шутя предложил снять монолог.

Но, увы, сняли спектакль».

Когда сегодня перечитываешь пьесу Разумовской, особенно монологи Володи, то понимаешь, что, при всей циничности его умозаключений, они в чем-то отражали реальную ситуацию. «Россия всегда страдала от прекраснотуши и инфантильности интеллигенции и отсутствия трезвых деловых людей. Быть деловым человеком считается у нас чем-то недостойным, почти неприличным. Мы же уверены, что спасти Россию, например, от бесхозяйственности, о которой кричат все газеты, может только наше поколение новых деловых людей», — говорит Володя, критикуя при этом поколение шестидесятников, которые «приспособились и стали отлично преуспевать». Разумовская в своей пьесе предсказала скорое появление на исторической арене (это были лихие 90-е) представителей новой формации — так называемых «деловых людей». Хватких, порой беспринципных и очень «трезвых». Таких, как Володя.

ПРИТЧА О «САДЕ БЕЗ ЗЕМЛИ»

Со снятием скандального спектакля «Дорогая Елена Сергеевна» не завершился роман театра с драматургией Людмилы Разумовской, а значит — с новой

драмой, критикующей людские несовершенства в эпоху кризиса системы ценностей. Спустя три года после «Елены Сергеевны» Жордания вместе с Гоги Чакветадзе поставил пьесу «Сад без земли» (это первое название пьесы «Сестры»), тоже прошедшую тернистый путь к зрителю. Притча Разумовской слишком откровенно отражала тупиковое состояние общества, и Министерство культуры РСФСР разрешило играть спектакль только после изменения названия пьесы на «Сестры» и внесения 169 сокращений в авторский текст. Постановка театра Грибоедова привлекала зрителей, не в последнюю очередь, прекрасными актерскими работами Людмилы Артемовой-Мгебришвили, Ирины Мегвинетухуцеси, Виктора Захарова, Бориса Казинца, Марии Кебадзе, Валерия Харютченко. Они так проживали мучительные страдания и трагические заблуждения своих героев, что это не могло не волновать публику. Она покидала зал потрясенная, и впечатление надолго оставалось в памяти. Один из благодарных и совсем еще юных зрителей того спектакля — автор этой книги.

Опять-таки — на сцене происходили вещи, о которых не принято было так говорить в театре. «Сестры» — история двух сестер и их отношений с мужчинами. Девочки выросли без родителей, в детском доме, и, став взрослыми, они никак не могут справиться со своими бедами, как-то устроить жизнь, совершая все

новые и новые непоправимые ошибки. Младшая сестра Аня влюбляется в Марка (сам себя этот герой называет «одним из миллиона серых Сальери») — мужа старшей Оли, а итогом нешуточных страстей становится убийство Марка.

Зрителей привлекала, прежде всего, «притчевая», видимая простота сюжета. Но не зря цензура настояла на замене названия. «Сад без земли» — метафора сиротства, неприкаянности, «больных» отношений между людьми. Вспомним «Старый дом» А. Казанцева. А еще в пьесе Разумовской очевидны чеховские мотивы. Персонажи «Вишневого сада» теряют свою основу — дом, сад, а сестрам Разумовской никак не удается его, этот фундамент, построить, обрести — они «без земли». Невозможно «без земли» вырастить «сад» — такова главная мысль пьесы и спектакля. Как отмечает журналист И. Эретишвили, спектакль Жордания — о том, что «человек должен иметь в жизни цель, создавать ценности — будь то материальные или духовные».

То, что спектакль «Сестры» показал нездоровое состояние общества, отметила известный театровед Нелла Урушадзе — правда, невольно становясь адвокатом персонажей драмы: «Разумовская — автор с ярко выраженной индивидуальностью. Ее волнуют судьбы людей с тяжелой жизнью и их устремленность к свету. Это настоящая драматургия, поэтому все роли в ее пьесе хорошо выписаны, и все действующие лица проявляют свой характер в поступках. Ее появление на сцене действительно своевременное, обязательное, интересное и впечатляющее... Разумовская проявляет интерес к обычным людям — сотрудникам клуба, выпускникам профтехучилищ, шоферам, пенсионерам — но только к тем, у кого есть потребность быть нужным кому-то, получать и отдавать тепло души. Ни богатство, ни карьера их не интересуют. Драматург не скрывает ошибок и прегрешений своих героев, говорит о них правду, подчас безжалостную. Однако прощает им и то, и другое, потому что главное все-таки то, к чему стремят-

«Старый дом»

ся эти герои».

О работе над спектаклем вспоминает исполнительница роли Ольги, заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили:

«Очень хороший был период работы с Гизо Жордания. Одна из моих самых любимых ролей, может быть, даже самая любимая – Ольга из спектакля «Сестры» по драме Людмилы Разумовской «Сад без земли», автора замечательных пьес «Дорогая Елена Сергеевна», «Ваша сестра и пленница»... В те времена во всем видели критику советского строя. Впрочем, критика в пьесе и была – сама правда уже была критикой. Как трудно люди жили! Тогда эту пьесу разрешили поставить только в двух театрах Советского Союза – на Малой сцене БДТ у Георгия Товстоногова и у нас, далеко от Москвы. А через несколько лет после нашей премьеры «Сад без земли» сыграли в Ташкенте. В те годы она была особенно злободневной. А для актеров, зрителей – просто находка. Пьеса, в которой невозможно было заменить или выкинуть ни одного слова – все было настолько совершенно! Мы были распределены на роль Ольги в паре с Тамарой Соловьевой. Но в основном репетировала Тамара. Гизо вначале не было на репетициях – он ставил «Закон вечности» в Сухумском театре. С нами репетировал в основном Гоги Чакветадзе, и только на выпуске, за несколько дней до премьеры, подключился Гизо. Так что я не репетировала, а просто сидела в зале и наблюдала за творческим процессом. Это мне помогло понять, как не надо играть. И вот возвратившийся в Тбилиси Гизо Жордания посмотрел прогон спектакля и... сник. Я слышу, как Чакветадзе говорит ему: «Давай вечером еще сыграем!» Это был понедельник... Но Гизо отнесся к предложению без энтузиазма: «Ну что тут сделаешь? Уже ничего не сделаешь!» – «Я тебя прошу, посмотри еще Люсю! Другой спектакль будет, давай попробуем!» А я все-таки перед этим один раз успела пройти свою партию, и Валера Харютченко, помню, подошел, поцеловал меня и по-

«Сестры»

благодарил за сегодняшнюю репетицию. Это было стопроцентное попадание!

В итоге в спектакле была занята только я, а Тамаре Соловьевой не дали возможности сыграть ни разу. Конечно, ей было обидно – такая пьеса, такая роль! В этом спектакле все были изумительные. Боря Казинец, весь из себя Герой Героич, играл здесь совершенно другого человека – характерную роль отца, бросившего нас, несчастного алкаша, оставленного всеми, приехавшего к дочерям умирать. Как Боря играл! Он был такой трогательный. А Витя Захаров? Он играл эдакого жлоба-шофера. Ира Мегвинетухуцеси, исполнявшая роль моей младшей сестры Ани, была чудесной! Валера Харютченко потрясающе играл моего мужа Марка. А в роли бабушки была просто великолепной Муся Кебадзе. Поначалу репетировала и играла Валя Семина. Но ей было неприятно исполнять возрастную роль, она очень переживала по этому поводу и все время просила ее заменить. В итоге ввели Марию Спиридоновну Кебадзе. Она была удивительная в этой роли – такая нежная, обаятельная. Помню, известный политик Мамука Арешидзе пришел на «Сестер», а после спектакля говорил кучу комплиментов. Такая вот была чудесная постановка! Успех «Сестер» – заслуга не только режиссуры, но и актеров. Это был актерский спектакль. Художник П. Лапиашвили придумал декорацию, в которой акте-

ры не смогли работать. И тогда мы попросили директора театра Отара Папиташвили разрешить нам оформить постановку самим...»

Валерий Харютченко, исполнитель роли Марка: «Как-то я на машине ехал в Батуми. Настроение было прекрасное – в предчувствии объятий с морскими волнами. Вокруг была красота земного рая. Вдалеке Кавказские горы своими снежными вершинами подпирали небосвод. Мне пришлось сбросить скорость, через дорогу переходило стадо коров, своим хорошим мычанием приветствующих меня. Вдруг я увидел нечто, сильно меня впечатлившее. Посреди поля стояло сооружение, напоминавшее выброшенную на берег разбитую шхуну. С ее «ребер» свисали клочья разорванного целлофана. В порывах ветра они бились, словно крылья подбитой птицы. Как будто кто-то своим дыханием пытался реанимировать ее. Сердце мое сжалось. Передо мной покоилась теплица, прежде служившая людям. Я вздохнул и продолжил свой путь.

Когда я рассказал Гизо эту историю, он ответил мне: «Это же декорация к «Саду без земли», нашим «Сестрам». Но что поделаешь? Спектакль уже идет в другом оформлении. Не ломать же его, как ту теплицу».

Фото из архива театра Грибоедова и семейного архива Г. Жордания

ТОСКА ПО ДЕТСТВУ

Фрагменты из книги «Неужели это я?! Господи...»

■ **Олег БАСИЛАШВИЛИ**

Всю жизнь будет сопровождать меня эта тоска — по родине. По детству. По хорошему...

Тбилиси.

Приехали, «сбежали» из военной Москвы три человека: тридцатитрехлетняя красивая интеллигентная, внутренне очень растерянная, внешне предельно собранная, со сжатыми плотно губами, волевым прищуром, порывистыми резкими движениями женщина, старуха пятидесяти девяти лет (как странно — мне сейчас семьдесят семь!), полная, перекачивающая свое тело, словно колобок, с карими глазами и седой головой, и пухлый, с большими ушами, росший в московском интеллигентном доме, мальчик в коротких штанишках, со светлыми волосами, пухлой нижней губкой, привыкший к ласкам, игрушкам.

Поселились мы в маленькой комнатухе брата отца.

На стенах — громадные портреты Сталина и Бери.

За шкафом — дед Ношрewan Койхосрови, которого я не то чтобы боялся, а как-то стеснялся, что ли... Рядом с ним, тихим и мрачным, неразговорчивым

стариком, я чувствовал себя излишне изнеженным, чуть ли не девочкой.

Он все время сидел за шкафом. Всегда — мрачный. Дед вылезал из-за шкафа, когда мы уходили из комнаты. Тогда он ел: стеснялся женщин и своей нищеты (в Тбилиси жили трое его детей; сами бедствовали, но помогали ему чем могли).

В революцию дед отдал всю землю добровольно (может, из страха перед возмездием: все-таки был полицейским приставом!) и с четырьмя детьми и женой переселился в Тифлис. Жена рано умерла...

В тридцатые годы о деду вспомнили, нашли, забрали в ЧК и били так, что он до конца жизни многие русские слова стал произносить наоборот: не «мама», а «амам», не «хлеб», а «белх». Сидя с нами за нищенским столом беженцев, он, случалось, показывал на портрет Сталина и спрашивал: «Кто такой?» Мама звенящим от ужаса голосом отвечала:

— Это наш великий вождь и учитель товарищ Сталин, дедушка!

— Он бандит. Я его — вниз. Потом он меня — дзирс (вниз).

Взгляд дедушки застыл, и он становился очень похож на Сталина в старости — те же оспины, те же редкие волосы назад, те же прокуренные усы, карие глаза...

Потом в одно мгновение лицо его напрягалось, глаза меняли цвет, и он произносил:

— Он — хороши чловэк!

Пугался. А вдруг опять забьют гэпэушники!! Но не забирали. Забыли все. Один раз я застал его, беднягу, у булочной с протянутой рукой...

Карточек у него не было. Жил впроголодь... Что мы могли ему дать — на свои одну рабочую и одну иждивенческую карточки?!

Я увидел его на проспекте Руставели — он просил милостыню, — примчался к маме, мама — к булочной, утащила его домой. Дядя мой его к себе забрал, в Авчалы, так он сбежал оттуда обратно в Тбилиси, к нам...

По утрам на галерее катал пустой бочонок для вина к крану с водой, чтоб не разохся бочонок.

Соседи негодовали:

— Ва! Опять Ношрewan тарактит! Ва! Спать не дает, честни слова!

Стал мой дедушка нищим

Родители – Валериан Басилашвили и Ирина Ильинская

стариком без всяких средств к существованию. Бездомный, полусумасшедший человек, униженно доживающий свой век в одной комнате с невесткой, с ее матерью и ее сыном. Внуком своим...

Зато хоронили его по высшему разряду!! Оркестр гремел медью! Знамена реяли! Венки! Громадная толпа в черном, рыдающая в голос! В общем, похоронили с помпой на Верийском кладбище.

Три года спустя, папа, вернувшийся с фронта, поехал в Тбилиси, чтоб поклониться могиле отца. Но... не мог найти ее местонахождение. Так мой дед до сих пор и лежит где-то там, над Тбилиси, без креста, без плиты... Царствие ему Небесное! Да будет ему земля пухом!

...Вскоре мы переехали. Нас поселили в саду университета, в бывшей университетской кассе, комнатке метров в девять.

Тбилисская жара – на ее фоне все воспоминания этих лет. И походы с бабушкой на фуникулер, и какой-то дворový самодеятельный спектакль, с афишей, которую милиционер приказал снять с улицы и повесить во дворе, и первый класс школы, куда я отправился еще до нашего переезда.

1 сентября мама стояла в перманенте, с иссиня-черными бровями, напряженная, натянутая, как струна...

Двор школы. Толпа родителей...

Тогда меня пронзило острое

чувство жалости к маме. Ничего я особенно не понимал – ни какого труда ей стоило прокормить нас, ни ее страха за мужа, ни трудностей ее общения со студентами-грузинами...

Я чуть не ревел. А может, и заплакал, когда нас повели в класс... Помню, звонок – большой, медный, грязный в руках чьих-то. Мамины глаза, жадно смотрящие в мои.

Война, бомбежки, эшелон, Хачмас, Тбилиси, папа на фронте, наша армия отступает, начинающийся голод, страх за бабушку, за меня, гипнотическое желание запрограммировать в эту минуту, минуту первого шага в первый класс, всю мою дальнейшую жизнь... Вот что было тогда в маминых глазах. И такая растерянность где-то в их глубине, несмотря на волевой прищур и плотно сжатые губы. Было жалко ее, потому что я все это бессознательно чувствовал.

Начинался настоящий голод. Мама и бабушка работали на табачной фабрике, упаковывали пачки табака для фронта. Брали меня с собой. Значит, какие-то карточки дополнительные нам шли.

Все это – еще на Грибоедовской, 5.

Ходили в гости. К сестре отца, Ире. Там было хорошо. Ира жила в старом городе. Бесконечное переплетение кривых улиц. Милый старый дом... Угощение.

Бывали у Нины Дормишхановны – властной старухи, быв-

шей помещицы. Она жила в самом центре, дом ее когда-то был салоном на манер петербургских.

Скатерть, вышитая фамилиями знаменитостей. Картины Шарлеманя. Громадные ковры с ружьями или саблями. Нескончаемые скучные разговоры. Но – еда, еда! Хозяйка говорила, что ей привозят продукты ее бывшие крестьяне из поместья, которые помнят ее до сих пор и каждый месяц на арбах везут своей старой благотельнице всякую снедь.

Нина Дормишхановна – нечто грузное, коричнево-белое, басовитое...

...Отдали меня учиться в консерваторию, в класс виолончели. Почему именно туда? Во-первых, близко от дома. Во-вторых, все остальные классы были набраны. Педагог – Капельницкий.

Мама говорила: если спросят на вступительном экзамене, почему именно виолончель, – ответить, что всю жизнь мечтал играть на виолончели.

Так я и сказал.

Взяли.

На занятия меня отводила бабушка, таща чехол с виолончелью на спине. Ростом она была меньше виолончели. Мама по ночам чертила нотные страницы.

Уроки в консерватории были для меня мучением, дома я пугал всех соседей диким ревом фальшивых струн. Мозоли на пальцах, пыль канифольная, ее

Брат – Георгий Басилашвили

Олег Басилашвили в эвакуации в Тбилиси

резкий запах... Постепенно начало расти отвращение к музыке вообще, к виолончели – особенно.

По приезде в Москву, когда мама поставила вопрос о продолжении учения, я встал на колени и умолял пощадить меня. Мама грустно махнула рукой.

...Память сохранила от тех лет постоянное чувство голода, осознание нищеты. Письма с фронта от папы и Жоры приходили редко. И что-то непонятное и страшное надвигалось – немцы наступали.

Соседка кричала: «Это Гиви (ее муж) заставил меня в партию вступить!» Кричала, чтоб слышал весь двор: «И этих (она показывала на большие портреты Берии и Сталина) он меня заставил повесить!»

Немцы были уже на Эльбурсе, заняли все горные перевалы.

...Итак, мы перебрались в университетский сад. Там все было и так же, и иначе.

Университет стоял на высоком холме. Под холмом шумела, бурлила быстрая, с каменистым дном речка Вэре.

Крутые склоны холма, от Вэре вверх, заросли деревья-

ми, кустарником – образовался целый лес, настоящие джунгли, которые, добравшись до вершины холма-горы, переходили в университетский сад с туями, дорожками, обсаженными с двух сторон стриженными кустами какого-то южного вечнозеленого растения, испускающими терпкий эфирный аромат.

По-моему, в саду тогда росли и маслины, или оливы, – деревья с длинными серебристо-зелеными листьями, с плодами, которые назывались «пшаты».

Я взбирался на дерево и ел, обсасывая с косточки терпкую, вязкую мякоть, во рту скрипело, но притуплялся голод, который терзал меня почти постоянно, хотя бабушка и мама, конечно, отдавали мне все самое лучшее.

Поселились мы в маленьком домике, половина которого висела над обрывом, поддерживаемая столбами, а другая половина стояла на земле.

С нашей горы открывался вид на другие холмы-горы.

Внизу, на другом берегу Вэре, был зоопарк. Мы с бабушкой часто ходили туда, перебираясь по камням через ледяной мутный поток. Невдалеке от зоопарка, тоже на холме, стоял настоящий цирк – круглый, с колоннами...

Дальние холмы, всегда бурые-рыжие от выгоревшей травы, становились выше, выше и прозрачнее, а вдаль были уже отчетливо видны горы – темно-синие, грозные, с потоками ледников.

В ясные утра над черно-синей цепью этих острых гор, высоко в небе, словно розовое облако, парил прозрачный Казбек...

Вечером зажигалась у нас керосиновая лампа. Стекло тогда было на вес золота. Если оно трескалось – все очень огорчались, заклеивали трещину узкой полоской бумаги, прикручивали фитиль, чтоб поменьше был язычок пламени.

...И так хотелось мне обратно, в чистый и яркий снег детства, к хорошим пионерам, чистым мальчишкам в пионерских галстуках и с барабанами, в сияющие лаком бежевые вагоны метро (а я ведь еще застал время, когда на станции метро «Комсомольская» продавали бутерброды с икрой), просто в нашу квартиру, к солдатику, кубикам...

Я был одинок среди горной роскоши.

Привязалась ко мне собака-дворняга, вот мы с ней и бродили. Когда я возвращался домой из школы, она, прежде чем броситься ко мне и лизать лицо мое, бешено носилась гигантскими кругами вокруг меня – от радости!

Она даже иногда спала в нашей комнате. Мы ее чем-то подкармливали... Потом она пропала.

Иногда приходили к нам родственники. Иногда студенты.

До этого мама преподавала в Московском пединституте. А тут – университет!

Мамина alma mater – Московский университет. Правда, ее не зачислили вначале на курс, ибо она не была дочерью рабочего или крестьянина. Ее отец, Сергей Михайлович Ильинский, – потомственный почетный гражданин города Москвы, выпускник духовной семинарии, архитектор...

Но посещать лекции в те годы можно было, не числясь студентом, не сдавая экзаменов и не получая диплома. И дедушка сказал маме: «Если хочешь получить университетские знания, ходи на лекции, благо это разрешено, – учись, впитывай науку. Важно знать, а диплом – не самое главное».

Мама так и сделала. Ходила на лекции, записывала, учила, зубрила, ну, будто она на самом деле настоящая студентка МГУ. Никто не спрашивал у нее отчета о занятиях, никто не интересовался ее успехами в учебе.

Мама же вела напряженную жизнь студента, во время сессии сдавала сама себе экзамены.

Позднее, где-то на третьем или четвертом курсе, ее зачислили, видя ее и желание, и упорство...

Студенты часто приходили к нам, со многими из них мама подружилась, ходила к ним в гости...

...Верийское кладбище – еще выше, чем то место, где мы жили, на пустынной каменистой дороге, над диким обрывом...

Там и дедушку хоронили на закате – в гробу, обитом красным; впереди очень большой процессии несли красные знамена, играл оркестр...

О. Басилашвили. Март

Дедушкин отец – Койхосро – был младшим сыном в многодетной семье Басилашвили. При разделе имущества ему досталась только старая лошадь, но ни клочка земли.

Это были, видимо, 1860-1870-е годы... Семейная легенда утверждает, что ехал как-то мой прадед Койхосро в рваном архалуке на своем одре (старая исхудалая кляча) где-то в долине реки Лиахвы, близ Цхинвал. Одер еле передвигал ноги, ребра у него торчали, вот-вот упадет...

Навстречу ехал грузинский царь Ираклий со свитой. Кто-то со смехом указал царю на моего прадеда. Его спросили, кто он, почему сидит на этой еле ползущей, вот-вот грозящей упасть кляче.

Койхосро ответил, что одер – единственное его имущество и что земли у него совсем нет. Говорил он это, думаю, стоя рядом с одром, правой рукой держа его под уздцы, левую почтительно приложив к груди. Рядом, сверкая на солнце, ревела Лиахва, ворочала камни...

Царь, смеясь, предложил Койхосро оседлать коня и начать, если тот сможет, движение.

– Вся земля, которую твой

скакун обскочет до того, как упадет, твоею будет, – сказал Ираклий и царственно протянул руку, указывая перстами вокруг.

Сияли снежные вершины, высоко в небе висел прозрачный Казбек, ревела река.

Койхосро сел на одра и тихонько поехал. Одер шел час, другой, третий... Лишь на закате он остановился, пощипывая колючки... За это время он обошел большую территорию, и вся эта земля по приказу Ираклия теперь принадлежала Койхосро. И стал он богатым.

Потом, уже где-то в девятнадцатом году XX века, его сын Ношреван, кости которого покоятся в неизвестности где-то на Верийском кладбище, отказался от этой земли, отдал ее крестьянам.

Я был там недавно. Меня встречала вся деревня. Участок Ношревана – остатки дома и небольшой сад – до сих пор ничей. Все ждет наследников...

Мы жили на родине папы. В Грузии, где прозрачный Казбек в лазури, грохот рек, пряность горячего воздуха... А там, за синими, грозными цепями гор, в неимоверной дали, в морозах, в рождественском снегу, в блеске первомайского утра – солнце светит ярким светом, – в грохоте трамваев и в мягком гуле метро, в веселой автомобильной музыке, укутанная мягкими снегами, в красных кремлевских звездах – ждала, не могла дожидаться нас! – наша родная, любимая Москва, наша Покровка, наш дом с аптекой и ее запахами, наша коммунальная квартира с парадным, ванной, громадной плитой на кухне, с Асей, с корытами, икрой, салфетками, самокатом...

И что бы мы ни делали:

– лихорадочно ли искали папину фотографию, которая куда-то подевалась, и мама видела в этом дурное предзнаменование,

– сидели ли ночью при коптящей керосиновой лампе и что-то делали с «художественно расписанными» платками, счищая с них воск, за что получали по три копейки за платок – а их была каждый раз целая кипа,

– поливали ли наши помидоры,

– работали ли на табачной фабрике, – все было пронизано

этим чувством тоски по прекрасной нашей довоенной и военной Москве, чувством ожидания встречи с ней, ненависти к тупой и бессмысленной силе, разлучившей нас...

Москва – гордая, пустая, непокоренная – теплела за горами, фронтами, где шли бои, лилась кровь, где-то там были папа, Жора.

Сентябрь – еще тепло, почти жарко.

Мы с мамой идем по крутой зеленой улочке, и мама говорит:

– Запомни: здесь сентябрь, а как тепло!

Я запомнил.

И тепло, и сентябрь, и уютную улочку с манящими террасами домов, и маму – добрую, так любящую меня, отдающую все, чтоб детство мое было теплым, веселым.

Спасибо им – горам, быстрой Куре, университетскому саду, грохочущей Вэре, голоду, постоянно терзавшему меня, долгим вечерам у керосиновой лампы, с бабушкой и мамой, вою собак в оврагах, ответному вою из зоопарка, запаху масляных красок, которыми инстинктивно пытался я закрепить ослеплявшие меня картины почти вертикального фуникулера с такими смешными трамвайчиками;

– глубокой синеве неба с таившими вдали цепями гор, синеве, в которой изредка вдруг да распускались такие мирные, словно кусочки дефицитной ваты, комочки зенитных разрывов;

– радостно возбужденному голосу мамы ранним розовым утром: «Посмотри скорее, Казбек как на ладони, весь розовый, словно висит в небе!»;

– густой зелени, почти черной, кипарисов и туй, вязкости пшат и водянистости туты;

– черному и страшному, угрожающему ночному небу с миллиардами звезд, пристально глядящих прямо в глаза, знающих какую-то тайну о тебе;

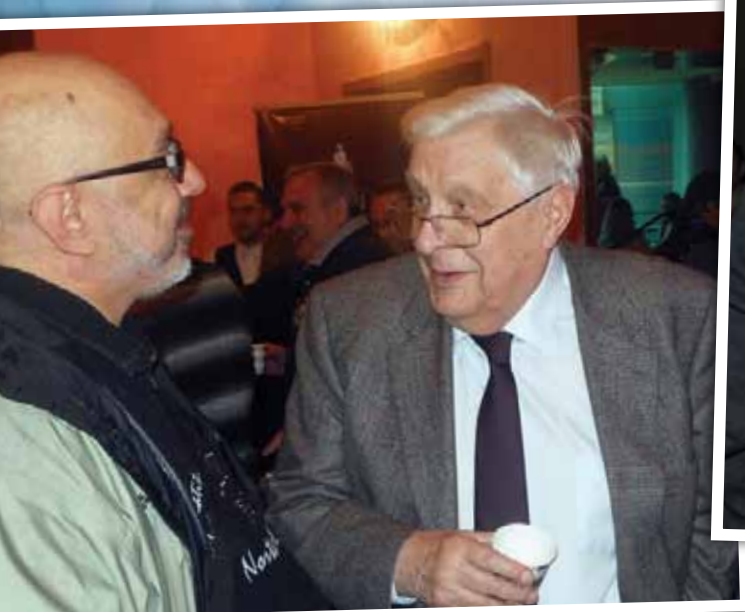
– родственникам – Боке, Жеке, Ире, дедушке, Инночке;

– книгам.

Спасибо этому пестрому, страшному, радостному и необычному миру, имя которому – военное детство.

26 сентября – день рождения Олега Басилашвили, Народного артиста СССР, Почетного гражданина Санкт-Петербурга и Тбилиси, кавалера Президентского Ордена Сияния (Грузия). От имени всех грузинских почитателей сердечно поздравляем Олега Валериановича с юбилеем! Многая благая лета!

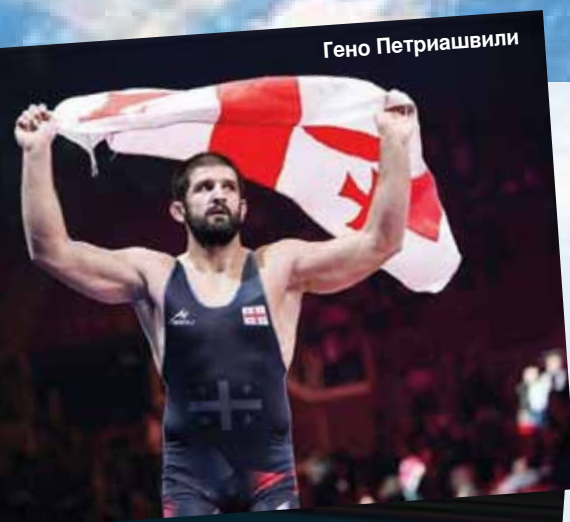

ПАРИЖ 2024: ТРИ ЗОЛОТА И МЕДАЛЬ КУБЕРТЕНА

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

На летних Олимпийских играх 2024 года в Париже спортсмены Грузии завоевали 7 медалей – три золотых, три серебряных и одну бронзовую.

Примечательно, что легендарный тяжелоатлет Лаша Талахадзе стал чемпионом Олимпиады в третий раз подряд. В Рио-де-Жанейро и Токио он также завоевал золотые медали. А еще Лаша семь раз становился чемпионом мира и столько же раз – чемпионом Европы. 2 октября текущего года ему исполнится 31 год, на международных соревнованиях он выступает с 2010 года. Уроженец Сачхере, Лаша с 8 лет занимался тяжелой атлетикой (по инициативе отца, тяжелоатлета Кобы Талахад-

Гено Петриашвили

Лаша Талахадзе

Лаша Бекаури

зе), через два года перешел в футбол, еще через пару лет вернулся в тяжелую атлетику. И как вернулся! Он выиграл такое количество турниров, что хватило бы на несколько спор-

тсменов высокого класса и несколько стран.

Второй раз подряд чемпионом Олимпийских Игр стал дзюдоист Лаша Бекаури. В первый раз это звание он завоевал в Токио. За несколько дней до Олимпиады в Париже ему исполнилось 24 года, и он намерен выступать на Играх-2028 в Лос-Анджелесе и бороться за то, чтобы в третий раз завоевать золотую медаль.

30-летний Гено Петриашвили в Париже впервые стал чемпионом Олимпийских игр в соревнованиях по вольной борьбе. Трехкратный чемпион мира и двукратный чемпион Европы, он завоевал серебряную и бронзовую медали на Олимпийских играх 2016 и 2020/2021 гг.

Участники Олимпиады получили солидные премии. По решению правительства страны, озвученному еще до начала Игр премьер-министром Ираклием Кобахидзе, чемпион Олимпийских Игр получил один миллион лари, серебряный призер – 500 тысяч лари, а бронзовый – 250 тысяч лари. Все члены олимпийской сборной, включая тренеров и персонал, получили по 50 тысяч лари. Обладателям золотых медалей вручили ордена Победы Георгия Победоносца, призерам – ордена Чести.

Но главное, конечно, в том, что наши спортсмены, ставшие чемпионами и призерами Олимпиады, завоевали симпатии и любовь миллионов людей.

На играх в Париже произошло еще одно примечательное событие. 6 августа в офисе Международного Олимпийского Комитета (ИОС) в столице Франции состоялась торжественная церемония награждения первого вице-президента Национального Олимпийского Комитета Грузии, спортивного журналиста и обозревателя, автора десятков книг и тысяч статей, посвященных грузинскому спорту и истории Олимпийского движения, Элгуджи Беришвили. Ему была вручена

медаль имени основателя современного Олимпийского движения, французского барона, выдающегося общественного и спортивного деятеля Пьера де Кубертена. Эту престижную награду Э. Беришвили получил из рук первого вице-президента ИОС Джона Коутса.

«От имени МОК хочу выразить благодарность Элгудже Беришвили за многолетнюю и плодотворную работу по популяризации олимпийского движения и олимпийских цен-

Элгуджа Беришвили

ностей», – сказал Джон Коутс. Он передал Беришвили «сердечное поздравление президента МОК Томаса Баха в связи с присвоением медали имени Пьера де Кубертена».

«У меня такое чувство, – сказал в ответном слове 71-летний лауреат, – что я сегодня тоже стал олимпийским чемпионом. Горжусь этой медалью и очень рад. Я представляю страну, которая имеет богатые спортивные традиции и большие успехи. Теперь, вместе с олимпийскими медалями, у Грузии есть и медаль Кубертена».

Элгуджа Беришвили стал первым представителем Грузии, удостоенным этой высокой награды.

Создатели фильма «Апрель»

НЕ СПОРТОМ ЕДИНЫМ

Ханна ПЕНМАН

Кроме завидных спортивных достижений Грузии – блестящего дебюта Национальной сборной по футболу на чемпионате Европы в Германии и рекорда грузинских спортсменов на Олимпиаде во Франции (3 золота, 3 серебра, 1 бронза и 24-е место в командном зачете, что является лучшим результатом в истории страны), летом грузинской культуре и искусству тоже было чем похвастаться.

Предлагаем нашим читателям обзор новостей и событий на арт-арене Грузии летом-2024.

КИНОФЕСТИВАЛЬ «ДАЛИ», ЗВЕЗДА ИИ НИНИДЗЕ И НАШИ В ВЕНЕЦИИ

Сванети – сказочный грузинский высокогорный район, с суровой природой и головокружительными пейзажами. Поэтому проведение в июле в этом регионе международного кинофестиваля «Дали» (по имени героини древней мифологии Богини охоты) – событие само по себе уникальное.

Международный кинофестиваль в Местия основала местный кинорежиссер Мариам Хачвани в 2021 году. С каждым годом смотр становится все интереснее, увеличивается и масштаб мероприятия. Об этом свидетельствуют его видные гости. В этом году на «Дали» сле-

телись выдающиеся представители киносферы со всего мира: двукратный лауреат «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля и номинант на «Оскар», шведский кинорежиссер и сценарист Рубен Остлунд, британский кинокритик и директор международного отдела Red Sea Film Fund Калим Афтаб, эксперт отборочной комиссии Европейской киноакадемии Эдвинас Пукшта, организатор программы Берлинале Даниэла Вебер, менеджер программы национального американского фестиваля независимого кино «Сандэнс» и Международного фестиваля короткометражных фильмов в Палм-Спрингс Стефани Оуэнс и др.

Громкая победа грузинского

кино прозвучала в августе и на международной арене: фильм молодого режиссера Тато Котетишвили «Святое электричество» был удостоен награды «Золотой леопард» на Международном кинофестивале в Локкарно (Concorso Cineasti Del Presente).

Но это далеко не все: кинодрама грузинского режиссера Русудан Глурджидзе «Антиквариат» вошла в параллельную секцию Венецианского кинофестиваля «Авторские дни» – Giornate degli Autori (Authors' Days). Сюжет картины (копродукция Грузии, Швейцарии, Германии и Финляндии) крутится вокруг мигрантов и массовой депортации грузин из России в 2006 году. В числе депортированных была и режиссер фильма. Главные роли в картине исполнили актеры Саломе Демурия, Сергей Дрейден, Владимир Даушвили и Владимир Вдовиченков.

Правда, с фильмом произошла странная история. В конце августа грузинские СМИ заявили о том, что Венецианский кинофестиваль экстренно заблокировал показ фильма. Жюри объяснило свое решение проблемой авторских прав на сценарий – компании Viva Film (Россия), Avantura Film (Хорватия) и Pygmalion (Кипр) подали

Ия Нинидзе

Рукопись Иоанна-Зосима

в суд на грузинскую продюсерскую фирму Cinetech. Однако некоторые СМИ предположили, что это только предлог, и речь идет о политической цензуре. К решению вопроса подключились Министерство культуры Грузии и Ассоциация европейских режиссеров. В итоге суд приостановил решение, которое заблокировало показ фильма, и картину вернули в конкурс Giornate degli Autori («Авторские дни») независимого раздела кинофорума. «Можно сказать, что справедливость восстановлена в отношении киноискусства, вовлеченных творческих личностей, грузинского режиссера и самого фильма. Прежде всего, установлен прецедент для Венецианского кинофестиваля, что принесет пользу будущим кинематографистам по всему миру»,

— заявил руководитель конкурса, итальянский режиссер Франческо Раньери Мартинотти.

А в основном конкурсе Венецианского кинофестиваля свой фильм «Апрель» представляла режиссер Дзя Кулумбегашвили. Это история жительницы грузинской провинции Инны. Она — акушер-гинеколог в больнице, где одно из ее дежурств оказывается роковым: врача обвиняют в халатности после гибели в ее смену новорожденного.

Главные роли в фильме исполнили актеры Мераб Нинидзе, Ия Сухиташвили и Каха Кинцурашвили.

Участие грузинской картины в основном конкурсе фестиваля само по себе стало событием для нашего кинематографа — это произошло впервые, начиная с 1996 года.

Тем отраднее, что «Апрель» получил высокую награду — Специальный приз жюри.

А еще этим летом перед старым столичным кинотеатром «Руставели» была открыта звезда актрисы Ии Нинидзе («Не горюй!», «Мелодии Верийского квартала», «Небесные ласточки», «Покаяние» и др.). После церемонии открытия именной звезды в Национальном театре Руставели прошел вечер, посвященный 55-летию творческой деятельности артистки. На вечере, который вел театровед Николоз

Цулукидзе, публике рассказали про жизнь и актерскую карьеру Ии Нинидзе в кино и театре. В мероприятии приняли участие ее друзья, а также грузинские актеры и певцы. Музыкально вечер оформил маэстро Ника Никвашвили.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУКОПИСИ И ГРУЗИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ИОРДАНИИ

В июне знаменитый предприниматель и меценат, почетный председатель и основатель правящей партии «Грузинская мечта — демократическая Грузия» Бидзина Иванишвили приобрел на аукционе Christie's в Лондоне рукопись грузинского монаха, богослова Иоанна-Зосима 979 года и подарил ее Грузии. Уникальная рукопись, которую называют одним из важнейших фрагментов христианской Палестины, написанная на арамейском языке, до сих пор находилась в коллекции норвежского бизнесмена, историка, палеографа и коллекционера книг Мартина Шойена.

Книга на пергаменте (Codex Sinaiticus Rescriptus) написана на христианско-палестинском, арамейском и грузинском языках. Она содержит самые ранние текстовые свидетельства Евангелий на диалекте арамейского языка (западно-арамейский диалект), ближайшем к диалекту, на котором говорил Иисус.

«Западно-арамейский диалект использовался христианской общиной в Палестине и Трансиордании в V-XIII веках. Сохранилось лишь несколько надписей, палимпсестов (рукопись на пергаменте или папирусе поверх смытого или соскобленного текста — прим. ред.) и рукописей», — говорится в описании лота.

Главный текст, который датирован V-VII веками, переписал по-грузински Иоанн-Зосим — каллиграф, писатель, переводчик и монах-переплетчик (умер в 987 году). Палимпсест был сделан в монастыре Святой Екатерины на Синае. К наиболее известным трудам Иоанна-Зосима относятся рукописи литургического характера, стихотворение-акростих «Завещание», а также гимн мистического характера «Восхваление и возвеличивание гру-

Археологическая экспедиция в Иордании

зинского языка».

Эстимейт лота составлял 1-1,5 миллиона фунтов стерлингов. Иванишвили приобрел рукопись за 1 миллион фунтов стерлингов.

Напомним, в 2015 году Иванишвили подарил Государственному музею искусств Грузии картину гения-примитивиста Нико Пиросмани «Арсенальная гора ночью», купленную им на аукционе Christie's за 1,46 миллиона долларов. А в 2016 году – его же картину «Косуля у ручья». Ее миллиардер приобрел на аукционе Sotheby's за 629 тысяч фунтов стерлингов.

Есть приятные новости и из мира археологии. Этим летом команда грузинских археологов отправилась в Иорданию для экспедиции на руинах грузинского пустынного монастыря XI века в городе Эль-Карак. Грузинский храм на горе Шихан, самой высокой горе города-крепости Эль-Карак, основал священнослужитель Габриэль (Гавриил) Тбилели, там же он провел последние годы своей жизни.

Монастырю было суждено просуществовать посреди пустыни до XIII века. Оттуда сохранилось несколько рукописей, которые до сих пор хранятся в

библиотеке Греческой Патриархии Иерусалима. По оценке экспертов, монастырь был своего рода филиалом Иерусалимского Крестовоздвиженского монастыря.

Экспедицию грузинских археологов возглавил профессор Тбилисского государственного университета Вахтанг Личели. Под его руководством специалисты проведут рекогносцировочные археологические работы на территории грузинского монастыря и разработают проект проведения масштабных археологических работ.

О, ТЕАТР!

Летом 2024 года в Грузии прошло аж два международных театральных фестиваля: один – в Поти и Сенаки, другой – в Сигнахи.

Х юбилейный Международный фестиваль региональных театров в Поти и Сенаки, в котором приняли участие как

местные, так и зарубежные коллективы, порадовал театралов интересными и разнообразными новинками. Зрители увидели моноспектакли «Камера, которую подарила мне мама» польской актрисы Анны Адамович, постановки «Дверь неба» Озургетского театра, «Буря» Потийского театра, «Агония любви» Хулойского театра, «Лифт» румынской труппы «M Studio» и другие спектакли. В рамках фестиваля прошли презентации, музыкальные мероприятия, мастер-классы.

Этот фестиваль был учрежден в 2015 году культурно-просветительским фондом «Сегодня», худруком которого является известная актриса Нинель Чанкветадзе (широкий зритель помнит ее по фильму «Кукурача»). В мероприятиях, проводимых в рамках фестиваля, ежегодно принимают участие приглашенные гости – режиссеры, теа-

**Бюст Иустине Абуладзе
работы Беки Чхаидзе**

На выставке «Рубикон»

тральные критики, актеры театра и кино. А главная его цель – дать почувствовать региональным театрам, что они – ценны и уникальны, и что не вся сила сосредоточена в столичном театральном искусстве.

Состоялся театральный праздник в июне и в сердце Кахети, в городе Сигнахи. Основанный в 2023 году театральный фестиваль прошел там во второй раз и впервые – в статусе Международного театрального фестиваля Сигнахи. Среди 13 участников были театры Турции, Польши, Объединенных Арабских Эмиратов и даже две любительские труппы из Испании.

В Кишиневе же на XII Международном фестивале-лаборатории камерных театров и спектаклей малых форм «МОЛДФЕСТ. РАМПА», организованном Государственным молодежным драмтеатром «С улицы Роз» имени Юрия Хармелина, Тбилисский русский театр им. А.С. Грибоедова показал монодраму Нины Мазур «Агнес, жена Уилла» с участием Ирины Мегвинетухуцеси в постановке Авто Варсимашвили. Помимо Грузии, в фестивале приняли участие театры Азербайджана, Болгарии, Израиля, Литвы, Молдовы, Украины и Черногории.

Тем временем грузинский спектакль «Пиросмани» Николо-

за Луарсабишвили в рамках масштабной выставки «Золотое руно – искусство Грузии», посвященной грузинской культуре и истории, показали на польской сцене

– в Театре гротеска в Кракове. Тбилисский «Театр блуждающей луны» («Мохетиале мтварის თეატრი») представил польскому зрителю трагикомедию, основанную

Фестиваль в Левиле

на жизни и творчестве самого знаменитого грузинского художника.

Кстати, беспрецедентная по своим масштабам экспозиция «Золотое руно — искусство Грузии», которая проходит в Национальном музее Кракова и знаменит европейского посетителя с богатой культурой Грузии, шедеврами грузинского искусства, выдающимися образцами быта и боевых искусств, продлится до 15 сентября 2024 года.

УСПЕХИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Не оставила без новостей, вызывающих гордость, и сфера изобразительного искусства Грузии. Этим летом скульптор Бека Чхаидзе, магистрант Тбилисской государственной академии искусств имени Аполлона Кутателадзе, победил в интересном конкурсе эскизов, объявленном мэрией Тбилиси.

Согласно правилам конкурса, художник-победитель должен был создать архитектурно-художественную композицию (бюст) Иустине Абуладзе, грузинского филолога, основателя

кафедры иранской филологии и руствелологии, профессора, заслуженного деятеля науки Грузии. В итоге бюст работы Беки Чхаидзе установят в саду (пантеоне) Тбилисского государственного университета имени Иване Джавахишвили.

Кстати, Бека Чхаидзе — успешный участник первой международной резиденции молодых скульпторов в грузинском поместье Левиль во Франции. Там уже есть одна из работ молодого грузинского скульптора.

Удивительная выставка под ярким названием «Женщина-художник: лицо эпохи» (A Woman Artist: The Face Of The Era) с участием грузинских художниц прошла в летний сезон в Будапеште, в залах «Вигадо». На выставке были представлены работы Елене Ахвледиани, Кетеван Магалашвили, Тамар Абакелия, Эсмы Ониани, Лии Швелидзе и Софо Черкезишвили — четырех поколений грузинских художниц. Это было первое в истории Венгрии мероприятие, знакомящее публику с искусством грузинских художниц.

«Выставка, охватывающая 100 лет (1924-2024), объединила произведения искусства модернизма и соцреализма, а также неидеологическое искусство периода оттепели и постмодернизма. Все художественные направления и движения, возникшие в Грузии, несмотря на изоляцию советской эпохи и вызовы самоидентификации молодой нации, демонстрируют прочную связь между грузинской и европейской культурами», — писали в Будапеште.

Между тем в Грузии летом с немалым успехом прошли великолепные выставки Золотого фонда Государственного музея искусств Шалвы Амиранашвили, а также экспозиции работ Вахтанга Мухселишвили «Рубикон» и художницы Софио Черкезишвили «И тогда он сказал — возможно» в Национальной галерее Грузии имени Дмитрия Шеварднадзе.

ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА ВНЕ ГРАНИЦ

Грузинская культура издав-

на привлекала другие народы и страны. Вот и сегодня ар-пространство Грузии можно наблюдать не только внутри страны, но и далеко за ее пределами.

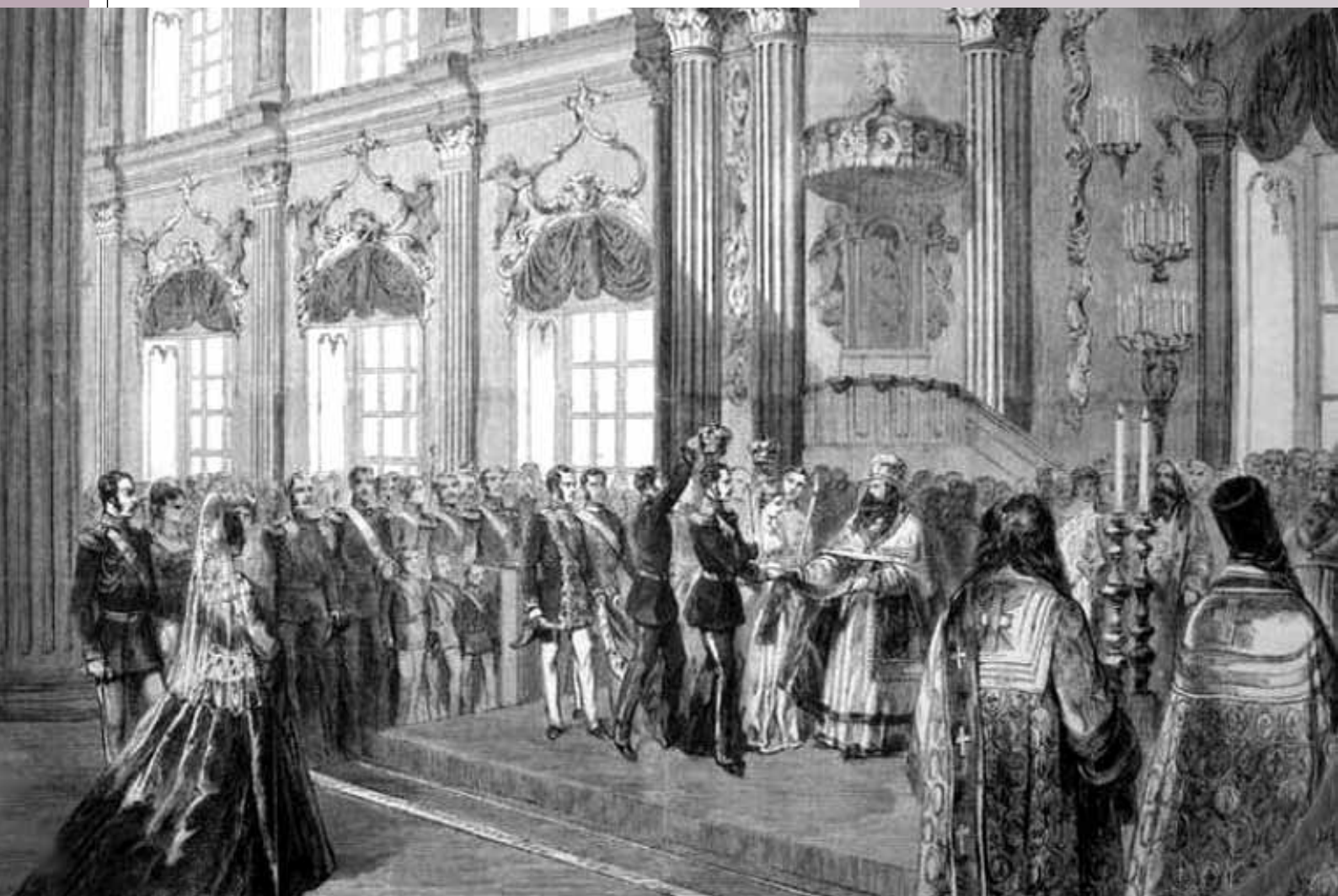
Этим летом красивый, мощный и богатый на мероприятия фестиваль грузинской культуры прошел в поместье Левиль под Парижем. Этот фестиваль был учрежден в 2023 году по инициативе главы Минкультуры Грузии Теи Цулукиани. Его цель — популяризация грузинской культуры среди эмигрантов в Европе. В этом году в рамках программы фестиваля состоялись выступления Камерного хора Грузии (дирижер С. Джангулашвили) и сопрано Иано Алибегашвили, мастер-классы по шахматам от легендарной Ноны Гаприндашвили, выставка керамических работ художника Георгия Руруа, спектакль «Дневник Маро Макашвили» Цхинвальского драмтеатра (режиссер Г. Капанадзе), концерт Государственного ансамбля песни и танца «Эрисиони» и многое другое.

Дни Грузии прошли этим летом и в Токио. В Стране восходящего солнца познакомились с грузинскими танцами и песнями в исполнении Кутаисского государственного академического ансамбля песни и танца, хора «Басиани» и этно-джаз-бэнда «Ириао». Театр пантомимы Грузии представил токийцам спектакли «Шен хар ве-нахи» («Ты есть лоза») и «Витязь в тигровой шкуре». Японцев грузины, конечно же, впечатлили и своим вином, и кухней, и боевыми искусствами и другими красивейшими национальными традициями.

В Грузии же, в июле, состоялись Дни культуры Узбекистана. В рамках празднования в Музыкально-культурном центре имени Джансуга Кахидзе выступил Государственный симфонический оркестр Узбекистана и вместе с узбекскими произведениями, представил слушателям грузинские композиции: «Сулико», «Мхедрули», «Тбилисо», «Арго» и другие. В рамках программы Дней культуры Узбекистана тбилисцы также увидели современное узбекское кино.

Вот такой культурный обмен, такие культурные новости лета-2024.

Венчание Ольги и Михаила

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

До 18-ти лет она жила с именем, которое получила при рождении. И имя это было пышным, не так уж легко произносимым — Цецилия Августа фон Баден, принцесса и маркграфиня Баденская. В Грузии, где она провела большую часть своей жизни — 18 лет, ее знали как Ольгу Федоровну (Федоровну) и прославляли за благотворительность как великую княжну Романову.

...Когда в 1826-м младшему сыночку Александры Федоровны Романовой исполнилось 24 года, она вместе с ним отправилась искать ему невесту. А поскольку женой великого князя — сына российского императора, могла стать только девушка, равная ему по положению, это

была поездка по дворам коронованных особ, причем, по давней традиции, немецких. Вообще-то, у императрицы уже была на примете кандидатка, но она все же предоставила сыну некоторую свободу выбора. И он честно делился с братом своими впечатлениями о принцессах:

«Дорогой нас ждали принцесса Дессауская со своими дочерьми Батильдой и Гильдою... Нам было их ужасно жаль, ибо положение вовсе не завидное: бедняжек привезли на показ, а может и только для того, чтобы быть забракованными. Скверное положение... Обе одинаково одеты в розовых платьях со вкусом. Гильда больше сестры своей, милая талья, белокурая, славные

глаза, тоненький носик, круглые щечки и вишневый весьма аппетитный ротик. Руки небольшие и белые. Одним словом, она всем нам сделала очень приятное впечатление. Поди же тут отгадай характер в один час времени, а может быть наружность и обманчива бывает... так я и расстался, поцеловав обеим руки, и с чувством сожаления об них...»

А это — о той, которую готовила для него мать. О младшей дочери великого герцога Леопольда Баденского и Софии Вильгельмины Шведской, сестре австрийского принца-регента Фридриха Баденского, внучатой племяннице российской императрицы Елизаветы Алексеевны. При первой встрече с Цецилией Августой, та

Цецилия Августа в юности

не произвела на царевича особого впечатления: «...черные волосы как смоль, красивые, такие брови и глаза. Рот не очень хорош, хотя и не велик, ради белых, но слишком длинных зубов. Щеки круглые румяные, талья не дурна, но видно по плечам, что не совсем еще сложилась. Хуже всего, что у нее прическа гладкая и что вообще ее держат как ребенка еще».

Но мнение матери было для него важным: «Она понравилась мамушке. Играли, она сначала была очень застенчива, потом обошлась и мило говорила». К тому же девушку он видел впервые, а с каждой новой встречей его впечатление о ней меняется:

«Милые Низи и Низина (так в семье называли великого князя Николая Николаевича и его жену Александру Петровну) я совершенно счастлив и благодарю за то усердно Господа, молю его, чтобы так же продолжалось, и чтобы после свадьбы мы были так же счастливы, как Вы оба! Что мне весьма приятно, это мысль, что в мамушке России многие радуются еще моей судьбе. Обнимаю Вас обоих от души, прошу любить и жаловать мою милую невесту Сесилию».

Родилась Цецилия не далеко от немецко-французской границы в городе Карлсруэ. Ее мать была принцесса шведская, дочь свергнутого шведского короля, очень

властная женщина, которой даже приписываются заказные убийства политических конкурентов. В 18 лет она вышла замуж за своего двоюродного дядю, старше ее на 11 лет и у них родилось 7 детей, Цецилия была младшим, седьмым ребенком. Кроме того, родословная Цецилии Баденской прослеживается и через Российскую династию Рюриковичей. Ее прямым предком является дочь Великого Киевского князя Ярослава Мудрого Анна, которая после замужества стала королевой Франции. А еще Цецилия была потомком короля Георга II из Великобритании.

Принцесса выросла в спартанских условиях, причем никогда об этом не жалела. Ее отец был строг к своим детям, но мягок к подданным. Он даже считался первым немецким правителем, проводившим в своем государстве либеральные реформы. А вот Цецилию пороли не хуже мальчиков, причем, когда в 12 лет она потеряла отца, поркой занималась ее мать.

Итак, 17-летняя принцесса знакомится с будущим супругом Михаилом, когда ему было 24 года. А затем был брак по любви, которую пара пронесла через всю жизнь после помолвки 29 июня 1856-го в немецком курортном городе Вильдбадене. Потом, в ноябре, нетерпеливый жених вновь отправляется в Германию и в восторге пишет брату: «Моя душка выросла, покруглела, а что для меня большое и неожиданное наслаждение, это то, что она почти все понимает по-русски и только изредка останавливает для пояснения! Ты можешь себе представить, как это для меня приятно!»

Герб рода фон Баден

Герб Великого князя Михаила Николаевича

А весной 1857 года невеста приезжает в Петергоф и в августе принимает православие в церкви Св. апостолов Петра и Павла в Петергофском дворце. Правда, Цецилия Августа при этом перестает существовать — великий князь Михаил сам выбирает для нее имя Ольга Федоровна. Под этим именем она и становится православной. На следующий день было назначено обручение.

Конечно, все это — приятные церемонии, но нагрузка на 18-летнюю европейскую девушку ложится с поистине российским размахом. И немалая. Император лично возводит обрученных на возвышение, по завершении венчания молодые благодарят царя с царицей, а митрополит и члены Святейшего Синода совершают богослужение с коленопреклонением, после чего звучит 101 пушечный выстрел.

Затем — торжественный обед, на который приглашены особы первых трех классов Табели о рангах. Центральный стол накрыт на 20 персон. В центре — императрица Александра Федоровна с женихом — великим князем Михаилом, и император с невестой — великой княгиней Ольгой, далее — великие князья и княгини,

Сразу после приезда в Грузию

братья невесты – принцы Баденские, по сторонам стола – статс-дамы.

После обеда – отдых, чтобы вечером собраться на бал в Георгиевском зале. Бал тоже проходил по определенным правилам – по старинному придворному этикету. На нем танцевали лишь высокие особы, родные новобрачных. Причем, только полонез. И лишь после этого можно отдохнуть. Но не в Аничковом дворце вместе с семьей брата, великого князя Константина Николаевича, как планировали мо-

лодые. За них вновь все решали другие, и в последний момент было принято решение поселить новобрачных в «запасном доме» Зимнего дворца на Дворцовой набережной...

Вот такие церемониальные нагрузки для юной великой княжны, начавшей изучать русский язык сразу после помолвки и в этом во многом преуспевшей. За соблюдением строгих правил наблюдают сотни глаз, выносятся десятки суждений. Так, про Ольгу Федоровну почти сразу стали говорить, что у нее сильный характер и острый ум.

А это – воспоминания английской королевы Виктории, которую супруги посетили в 1860 году: «Майкл и Сесиль пришли к обеду в понедельник и остались до завтрашнего дня. Они оба были очень любезными и дружелюбными. Сесиль очень добрая, любит юмор, веселая, приятная и умная. Великий князь Михаил действительно очень обаятельный – мягкий и нежный, хорошо говорящий на немецком. Мы были очарованы им... он выглядит очень тонким. Сесиль его очень любит, говорит, что он прекрасный маленький мальчик, как она его называет».

На следующий год после этого визита Ольга Федоровна приехала в Тифлис вместе с мужем и тремя маленькими детьми. Ей было всего двадцать три года.

Великий князь Михаил Николаевич был назначен наместником русского императора на Кавказе в 1862 году и прослужил на этом посту до 1881 года. Жена все время была с ним и, честно говоря, в Петербурге даже были рады ее отсутствию в столице.

Дело в том, что она обладала сильным темпераментным характером и острым умом. А своим острым языком доставила немало неприятных минут Александру III и императрице Марии Федоровне. Особенно, когда возмутилась решением императора ограничить круг великих князей, и туда не попали ее внуки. Александр III даже с досадой говорил о ней: «Ольгу Федоровну все признают умною женщиной. В чем же выражается этот ум? Сплетничает и читает пустейшие романы, а никаким серьезным делом заниматься не хочет».

И в антисемитски настроенном имперском доме Романовых стали ходить слухи, что мать Цецилии изменяла мужу и родила ее, как «нагулянного ребенка» от еврейского банкира Хабера. Став императором, Александр III уже не скрывал своего отрицательного отношения к ней и за глаза называл ее «Тетушка Хабер», как бы подчеркивая ее никогда и никем не доказанное внебрачное еврейское происхождение. Ее муж был ей надежным защитником, да и сама она,

Здание Общества Св. Нино

Ольгинский Повивальный институт

будучи сильной личностью, не давала себя в обиду.

Один из создателей современной ему артиллерии, Великий князь Михаил глубоко любил жену всю свою жизнь и был под ее сильным влиянием. Этот добрый, спокойный, довольно скучный человек был бы полностью счастлив посвятить себя только артиллерии и не блистал исключительным интеллектом. А его супруга была живая, языкая, остроумная общественная леди, и злонамеренная сплетня была главным смыслом ее существования, или целью существования.

«Красивая, умная, с волею, она обладала прескверным характером, имела постоянных фаворитов и была дамой хитрой и бессердечной. Она совершенно держала мужа в своих руках», — писал о ней выдающийся государственный деятель Сергей Витте. Как и другие окружающие, он подчеркивал, что у ее мужа не было никаких любовных связей на стороне, как не было и внебрачных детей, в отличие от многих его августейших родственников.

А вот какой запомнилась она хорошо знавшему ее Александру Половцову, статс-секретарю Александра III: «Поселясь в Тиф-

лисе, где она царствовала 18 лет, найдя в муже послушного исполнителя ее велений, но ни в коем случае не руководителя своих действий, при чрезвычайно остром природном уме, при отсутствии солидного образования, при довольно естественном в таких условиях равнодушии к окружавшей ее среде, Ольга Федоровна возбудила против себя всеобщее нерасположение. Зла она не делала, но, будучи невоздержанна в своих оценках и отзывах, она, естественным образом, делала себе многочисленных врагов из людей, у которых почти всегда интересы личного самолюбия стоят выше всего остального. Будучи равнодушна к серой толпе, Ольга Федоровна не давала себе труда прикрывать это равнодушие какими-либо фразами, а постоянно заявляла, что всю теплоту чувств своих сосредоточивает на семье и друзьях. Другие делают это, но не говорят, она же имела искренность говорить это и проводить в жизни. Конечно, ее можно было бы упрекнуть в том, что она не несла никаких трудов в пользу России, что она эгоистично проводила жизнь в чтении и обществе лиц, ей симпатичных, но кто же из этих немецких принцесс,

поселяясь в России, посвящал жизни пользам нового отечества, а когда кто из них пробовал вмешиваться в дела воспитания или благотворительности...»

Может, в глазах людей, далеких от Южного Кавказа, так оно и выглядело. Но история Грузии доказывает, что дела Ольги Романовны оказались благом для края, в котором она жила. Уже через год после приезда на берега Куры под покровительством Ольги Федоровны был образован Совет общества Святой Нины,

Великая княгиня Ольга Федоровна.
Литография неизвестного мастера

Первая Ольгинская женская гимназия

который она же и возглавила. Это общество заботилось о воспитании и образовании девочек по всему Кавказу. Особое внимание уделялось детям из бедных семей и сиротам, которые получили возможность учиться в начальной школе. А многие из них – и продолжить образование. Кроме того, великая княжна Ольга Федоровна стала Августейшей покровительницей Общества распространения христианства.

В 1865 году, во многом благодаря ее стараниям, в Тифлисе открылась первая на Кавказе женская гимназия, получившая впоследствии имя – Ольгинская. Затем распахнулись двери прогимназия – учебного учреждения с программой 4-6 младших классов гимназии. За несколько лет число учениц в них увеличилось до тысячи. Гимназия содержалась на деньги Ольги Федоровны. Девушки из состоятельных семей платили 150 рублей в год. А нуждающиеся ученицы, проявившие хорошую успеваемость и поведение, не только учились бесплатно, но и получали стипендию. В начале семидесятых годов XIX столетия открылся Повивальный институт, который также состоял под Августейшим покровительством Ольги Федоровны и назывался Закавказским Ольгинским Повивальным институтом.

В 1878 году, благодаря усилиям княгини Ольги, в Тифлисе появилось еще одно учебное заведение – 2-я женская гимназия. Когда в 1877 году началась Русско-турецкая война, великий

князь Михаил Николаевич назначается Командующим Кавказской армией, а его жена берет на себя заботу об уходящих войну и раненых солдатах. Она становится председателем Общества Красного Креста на Кавказе и всех военнослужащих, проходящих через Тифлис на эту войну, принимает у себя, в Дворцовом саду на Головинском проспекте.

Проходя по рядам каждой новой партии солдат, прибывающих на Кавказ, Михаил Николаевич лично передавал им приглашение своей супруги на чашку чая. Солдат и офицеров на главной аллее сада ждали столы с самоварами и угощением на 300 человек каждый. Доброжелательно приветствовав гостей, Ольга Федоровна лично подавала им чай, булки и сахар. Угощение продолжалось два часа, а всего через Дворцовый сад ушли на войну больше десяти тысяч человек.

Забота о раненых и обеспечение госпиталей самым необходимым, стали для Ольги Федоровны главным делом во время войны. Она постоянно следила за тем, чтобы Общество Красного Креста имело все необходимое для ухода за ранеными и даже приобрела на свои деньги полевой аптечный фургон с медикаментами и хирургическими инструментами на двести человек. Она попросила передать ей список вещей, необходимых для госпиталей и, получив его, пожертвовала вещи для офицеров: кровати, матрасы, одеяла, халаты, постельное белье и носильное

белье для солдат. А еще купила на свои деньги полевой аптечный фургон с медикаментами и хирургическими инструментами на 200 человек.

Все это принесло ей такую славу, что Сербское общество Красного Креста, состоящее под Высочайшим покровительством Ее Высочества Наталии Сербской, наградило Великую княгиню Ольгу Федоровну своим знаком «ввиду выраженного ею сочувствия к облегчению участи раненых воинов во время войны 1877-78 годов». А императору Александру II был представлен проект памятника Ольге Федоровне под девизом «Victor» (Победа). Вокруг бюста Ольги Федоровны, стоящего на невысокой колонне, на подножии, составленном из невысоких ступеней, располагались три скульптурные группы, отражающие ее деятельность на Кавказе. Первая группа – сестра, перевязывающая раненого солдата (руководство Ольгой Федоровной Кавказским Красным Крестом в ходе русско-турецкой войны). Вторая группа – две гимназистки с книгами в руках (основание Ольгой Федоровной женского образования на Кавказе). Третья группа – женщина с ребенком (открытие Ольгой Федоровной Повивального института). Дальнейшей судьбы этого проекта мы не знаем. Одна из улиц Тифлиса в ее честь была

Полька И. Штрауса

названа Ольгинской.

Как и ее мать, она родила шестерых сыновей и одну дочь. Как и та, не гнушалась порки. Младший сын Алексей умер от туберкулеза в 20 лет, троих сыновей – 59-летнего Николая, 56-летнего Георгия и 49-летнего Сергия в 1918-1919 годах казнили большевики. Сын Михаил прожил 70 лет, Александр, женившийся на сестре Николая II, прожил 67 лет и умер последним в 1933 году.

Михаил Николаевич в 59 лет

Дочь Анастасия прожила 62 года, а ее потомки до сих пор правят в Дании.

Большим ударом для Ольги Федоровны стала женитьба сына Михаила на графине Софии Меренберг в феврале 1891 года. Этот брак был незаконным по статусу императорской семьи и вызвал скандал в российском имперском доме. Великий князь Михаил Михайлович был лишен воинского звания и занимаемой должности адъютанта при дворе, ему было запрещено возвращаться на жительство в Россию.

Телеграмму, извещавшую о заключении этого брака, Ольге вручили на железнодорожной станции в Харькове. По настоянию врачей, она ехала в Крым, восстановить свое здоровье. Сообщение о «позоре» сына так потрясло великую княгиню, что у нее начался сердечный приступ сразу по выезде в Харьков. Поезд вернули и консилиум прямо в купе установил воспаление легких. Больную поместили в имперскую приемную на станции и через три дня она там умерла.

Вдали от семьи. В 51 год.

Из воспоминаний ее сына Александра (Сандро): «Михайловский дворец был полон глубокой скорбью. Отец бесцельно бродил из одной комнаты в другую. В течение долгих часов он сидел безмолвный, куря одну за другой толстые сигары и пристально глядя вдоль длинных полuosвещенных коридоров, как бы ожидая услышать оттуда ласковый голос матушки, который бы напомнил ему, что нельзя курить в гостиной. Он упрекал Михаила, за его женитьбу, так как видел в ней причину обострения болезни матери, и не мог себе простить, что отпустил ее одну в Крым. Отцу исполнилось 59 лет... все наши сердца разделяли его скорбь, но мы не знали, как выразить ему словами наши симпатии. Мы сидели молча, около него и в моих ушах звучали слова Библии: «И так сидели они с ним на земле семь дней и семь ночей, и никто не говорил ему ни слова, так как они видели, что горе его безмерно».

Славными делами отмечена ее жизнь не только в Тифлисе. Созданная в 1866 году протиреем Алексеем Колиевым во Владикавказе школа была преобразована, принята под покровительство великой княгини Ольги и стала именоваться Осетинским Ольгинским приютом. С 1884-го Ольга Федоровна – покровительница новой Александровской мужской больницы (ныне городская психиатрическая больница №7). Покровительствовала она и бесплатной лечебнице (приюту) имени Святой Ольги для «недостаточных посетителей Вод» в Пятигорске. А в Ставрополе в 1886-м открылось женское училище для детей разных сословий в доме мещанина Сонова, и на его строительство Ольга пожертвовала 40 тысяч рублей серебром. Она была также шефом 21-й артиллерийской Ее Императорского Высочества Великой княгини Ольги Федоровны бригады.

Имя Ольги Федоровны носили улицы в Тифлисе (впоследствии – Ленина, ныне Костава), в Баку (Джапаридзе и Расулзаде), нынешний Правобережный район Северной Осетии, немецкое селение Ольгафельд

в Таврической губернии Мелитопольского уезда. Конечно же, время стерло все эти наименования. Иные годы сменили эпоху великих княгинь. Но имя Ольги Романовой продолжает жить в... музыке и флористике.

Великий Иоганн Штраус создал, как пишут музыковеды, «милую вещицу, трехминутную полечку, с названием «Ольга-полька» специально для четы Романовых в качестве свадебного подарка к 28 августа 1857 года. В своем первоначальном варианте названная в 1852-м в честь Святой Анны «Анна-полька», она сменила свое название на «Цецилия-полька». Но потом ей пришлось сменить свое имя, как и той, кому она была посвящена.

А в августе 1892 года, когда был заключен военный союз между Россией и Францией, в Тулон с дружественным визитом прибыла русская эскадра. Моряков, поехавших на поезде в Париж, восторженно встречали тысячи французов. А знаменитый садовод Луи Левек называет русскими именами сразу несколько выведенных им роз. И, возненавидев все немецкое после войны с Пруссией 1870-1871 годов, он переименовывает немецкую розу Kaiserin Augusta Victoria в Grande Duchesse Olga – «Великая княгиня Ольга», посвятив ее Ольге Федоровне...

Вот уж поистине, «что в име-ни тебе моем»?

КРАСОТА В ДВИЖЕНИИ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В жаркий летний день двери Музея современного искусства Зураба Церетели широко распахнулись перед любителями балетного искусства. Длинный холл, ведущий в выставочную галерею, был уставлен мольбертами с огромными портретами Балерины и рождали предвкушение чего-то необычного. Главная героиня торжества, облаченная в роскошное ярко красное платье, встречала гостей лучезарной улыбкой.

Радужная хозяйка — знаменитая грузинская прима-балерина Ирма Ниорадзе. В тот день она отмечала двойной юбилей: 35-летие сценической деятельности и 55 лет со дня рождения. Посетителей действительно ждало восхитительное зрелище: большая застекленная галерея музея на три дня «преобразилась» в оперную сцену, где была выставлена уникальная коллекция танцевальных костюмов Ниорадзе, в которых она покорила сердца поклонников по всему миру. В центре зала был

установлен экран, где показывали отрывки выступлений Ирмы в различных спектаклях, гости внимательно следили за движениями примы и аплодировали каждому элементу танца, с филигранной точностью исполненному артисткой. Ирма сидела в первом ряду, вместе со зрителями смотрела архивные кадры, и было заметно — она счастлива, что ее исполнение приводит в такой восторг публику. Праздничный вечер вел известный театровед и телеведущий Николоз Цулукидзе — и балерина устро-

ила для него и публики краткий экскурс по своему творчеству. Она подводила его к каждому костюму и рассказывала интересную историю, с ним связанную.

Своим крестным отцом в искусстве Ирма считает выдающегося грузинского танцора и хореографа Вахтанга Чабукиани. В одном из интервью она вспоминала, как, учась на первом курсе Тбилисского хореографического училища, пыталась привлечь внимание Чабукиани. В тот период проходил набор на главные партии в «Спящей красавице», и Ирма попросила у своего педагога разрешения принять участие в отборочном туре, зная, что партию Авроры давали только выпускникам. В быстром движении *pas de bourrée* она промчалась мимо Вахтанга Михайловича. Он заметил юную ученицу и определил на Фею Сирени. Это было большим признанием для первокурсницы. «Он научил меня секрету движения рук «лебедя», которым я обязательно делюсь со своими учениками», — сказала Ирма. Белоснежный костюм, в котором она танцевала «Умиряющего лебедя», открывал экспозицию. Ниорадзе назвала свой персонаж «Бессмертным лебедем», потому что балерина, танцующая эту партию, каждый раз должна вложить в нее все свои силы. «Сначала нужно «умереть», чтобы родиться вновь. Считаю, что именно в 1989 году, когда я впервые выступила на сцену театра оперы и балета имени Палиашвили, и состоялось мое «крещение» в балете», — отметила она. А первой ее партией стала Жизель.

В желтом платье с золотистым орнаментом Ирма выступала на Международном конкурсе артистов балета в Джексоне (США) в 1990 году, это было вскоре после окончания училища. На конкурс съехалось много участников, Ирма получила звание лауреата, что сыграло важную роль в ее дальнейшей карьере. Строгий черный костюм с короной, украшенной черными перьями и разноцветными стразами — из постановки «Легенда о любви», созданной знаменитым хореографом Юрием Григоровичем для Большого театра. В

нем Ирма исполняла партию царицы Мехменэ Бану, свою первую роль в Мариинском театре, солисткой которого она стала в 1992 году. По сюжету, царица пожертвовала своей сказочной красотой ради спасения жизни младшей сестры, принцессы Ширин. Мехменэ Бану была безумно влюблена в художника Ферхада, которому поручили разрисовать царский дворец. Однако сам он влюбился в Ширин. Эту роль Ниорадзе назвала «Наказанным благородством». По мнению ректора Академии русского балета имени Вагановой Николая Цискаридзе, среди современных балерин она была лучшей исполнительницей роли Мехменэ Бану, так как «ей удалось не только точно выстроить технический и эмоциональный ряд роли, но и наделить ее тем восточным колоритом, которым Ирма обладает от природы и который прекрасно чувствует».

С одним из платьев у балерины связаны особые воспоминания: черные перья для диадемы Ирме подарила Майя Плисецкая, с которой у нее были теплые, дружеские отношения. Ниорадзе хранит этот подарок, как большую реликвию. После смерти легендарной примы Ирма в память о ней основала

Приз имени Майи Плисецкой – международный фестиваль балета, который ежегодно проводится во Дворце Фестивалей в Каннах.

Огненно-красный костюм с красными перьями – из постановки Михаила Фокина «Жар-птица» на музыку Игоря Стравинского. Ниорадзе призналась, что всегда просила дирижера играть музыку для ее соло партии быстрее, чем обычно, именно так, как написал Стравинский. Во время гастролей Мариинки в Лондоне, в театре Колизей (Ковент-Гарден был тогда закрыт на ремонт) «Жар-птица» имела колоссальный успех. После окончания спектакля на сцену неожиданно вышла Маргарет Тэтчер. Ирма в это время находилась за кулисами, и бывшему премьер-министру Великобритании представили другую балерину. Но, как известно, «железную леди» было невозможно обмануть, и она сказала: «Это же блондинка, а у той девушки были рыжие волосы, где настоящая Жар-птица?!» Ирму разыскала ассистент Тэтчер, и представила своей начальнице: «Я вам нашла настоящую Жар-птицу!» У Ниорадзе от волнения и радости навернулись слезы на глаза. Фотографию, где прима запечатле-

на вместе с Тэтчер, она назвала «Успех, полный слез».

Красный костюм с желтыми кружевами и диадемой золотистого цвета – платье Медеи из мифа об аргонавтах. Знаменателен он тем, что балерина танцевала в нем не в опере Санкт-Петербурга или Рима, а в Тбилиси, на стадионе имени Михаила Месхи. В июле 2015 года там состоялось официальное открытие молодежного Европейского Олимпийского фестиваля. Ниорадзе выступила под занавес церемонии: ее на руках вынесли грузинские танцоры, облаченные в одежду аргонавтов. В самом центре арены была установлена круглая сцена, на которой они с партнером исполнили танец Медеи и Ясона. Мне посчастливилось присутствовать на мероприятии, и я помню каким шквалом аплодисментов наградила публика балерину, когда ведущий объявил, что роль Медеи исполняет Ирма Ниорадзе.

В платье из розового бархата прима танцевала партию Медоры в балете «Корсар». На протяжении шести лет она работала в Римской опере в качестве приглашенной солистки. «Мне не нравится термин «прима-балерина», больше предпочитаю слово «солистка», но итальянцы именно так называют исполнительницу главной роли спектакля», – отметила Ирма. В интервью интернет-изданию Мариинского театра Ирма вспоминала премьеру «Корсара» в Римской опере в 2008 году, когда на сцене неожиданно погас свет. Оркестр играл, они с партнером танцевали в темноте. «Я тихо шепнула ему – продолжаем до конца акта. Центром нашего ориентира было белое платье Карлы Фраччи (итальянская прима-балерина, одна из величайших балерин XX века – прим.авт.), которая, волнуясь, стояла в кулисах. Это нас спасло, и публика (в зале были гости из Милана, Венеции, Флоренции) была нам благодарна, понимая, как нам было нелегко. Ведь если бы мы остановились, праздник был бы испорчен. А потом вышла восторженная рецензия: «Солисты Мариинского театра спасли премьеру, хвала и честь им. Они, рискуя, отлично прове-

куса. Позднее Ирма пришила к платью блески, чтобы придать костюму более эффектный вид.

В национальном грузинском костюме Ниорадзе танцевала с ансамблем «Сухишвили», на юбилейном вечере Нино Рамишвили в Большом концертном зале. Ирма призналась, что в детстве училась грузинским танцам во Дворце пионеров, однако позднее сделала выбор в пользу балета. Но много лет спустя, все-таки воплотила в жизнь детскую мечту и станцевала танец «мухамбази».

Особо следует отметить балет «Драгоценности», созданный Джорджем Баланчиным. Он состоит из трех частей: «Изумруды», «Рубины» и «Бриллианты», костюмы танцоров выполнены

ли спектакль, подарив нам множество эмоций»».

На выставках театральных костюмов посетители обычно больше внимания обращают на платья и лишь мимоходом бросают взгляд на обувь. Между тем она может «поведать» зрителю не менее, чем одевание. Когда меня в детстве водили в оперу смотреть балет, я всегда удивлялась как танцовщицы могли стоять, ходить и выделять изящные пируэты, стоя на кончиках пальцев. Из зрительного зала казалось, что балеринам очень легко танцевать, а повзрослев, я поняла, какой это тяжелый труд. Одна пара пуантов Ниорадзе была выставлена в экспозиции – туфельки кремового цвета были сплошь истоптаны и истерты, а «носик» совсем почернел от частого ношения. Эти пуанты балерина надевала во время репетиций. С ними связана одна история: в Бразилии прима танцевала партию Китри из балета Минкуса «Дон Кихот» и выступала в черном с красным платье. «В тот день я танцевала с полусодранной кожей на пальцах и помню, что после спектакля пуанты изнутри были в крови», – рассказала Ирма. По ее словам, профессия балерины очень сложная, но прекрасная. Если бы ей довелось заново прожить свою жизнь, она бы вновь избрала искусство балета.

Второй костюм из другой постановки «Дон Кихота» изна-

чально был полностью красным, черную вставку с перегородками Ирма сама вручную пришила в день премьеры, так как получила замечание от директора, что сплошное красное платье не соответствует испанской стилистике. С этим костюмом связано дорогое воспоминание балерины: красный веер к нему – подарок Плисецкой.

В красном костюме с кружевами в форме цветов она танцевала с аргентинским танцором Хулио Бока в «Баядерке» Мин-

в цветах драгоценных камней. В каждом из трех актов звучит музыка разных композиторов, Ниорадзе танцевала во втором акте – «Рубины» с музыкой Игоря Стравинского. В тот день у балерины от волнения поднялась температура, ведь она должна была исполнять произведение легендарного грузинского хореографа. Ирма запомнила постановку еще и потому, что после спектакля была написана большая положительная рецензия. На показе присутствовали пред-

ставители Фонда Баланчина, что для нее было большой честью.

Репетиционный костюм балерины замыкал экспозиционный ряд. Это простое белое платье напоминает Ирме Ниорадзе ту маленькую девочку, которая приобщилась к искусству балета благодаря своим учителям. «Я думаю, что любой артист, независимо от своих регалий, должен уметь обнулить свой успех. Например, спектакль прошел успешно, опустился занавес, и артист наслаждается творческим счастьем. Но для того, чтобы должным образом подготовить следующую роль, человек искусства всегда должен сводить достигнутый успех на нет», — отметила Ирма.

Экспозиция называлась «Красота в движении» и на ней было представлено 22 танцевальных костюма примы. Выставка носила благотворительный характер и после Тбилиси отправилась в Бордо и Монако.

В книге доктора искусствоведения, исследователя балетного искусства Лейлы Надареишвили «Грузинская балетная труппа» приведены интересные эпизоды из биографии балерины. Ирма Ниорадзе так вспоминает о своем детстве: «Я выросла в музыкальной семье. Папа очень хорошо пел и танцевал, мама и мои тети тоже хорошо пели, и, видимо, этот талант передался нам. Нас шестеро сестер, и мы все занимаемся искусством. Мама всегда говорила, что я неугомонная. Мне обязательно нужно было все попробовать. Впервые увидела балет на выпускном вечере сестры Мананы, которая на четыре года старше меня, это произвело на меня неизгладимое впечатление, определило дальнейший путь. Тогда я училась в третьем классе. Как-то попросилась в класс скрипки, проучилась 7 лет, диплом получила. Если я за что-то бралась, всегда доводила дело до конца. Ходила на пение, английский, грузинские танцы. Мне посчастливилось учиться у таких сильных педагогов, как Серафима Векуа, Вера Цигнадзе, Георгий Алексидзе. Рассказ о Вахтанге Чабукиани может занять целую книгу. Я счастлива, что была его ученицей, причем, последней ученицей!»

Николай Цискаридзе в сво-

ем блоге посвятил трогательную Ирме статью. По его словам, Ирма Ниорадзе — одна из самых дорогих его сердцу балерин, не только потому, что они оба учились в Тбилисском хореографическом училище и много танцевали вместе, а потому, что именно с ней связано огромное количество приятных моментов в его жизни. Когда Николай пришел в училище в 1984 году, Ирма училась на первом курсе и была там звездой. «Она была столь ослепительно красива, что не заметить ее было невозможно. И мне даже не могло прийти в голову, что я когда-либо буду с ней танцевать — так высоко она тогда стояла на пьедестале. Ее обожал Вахтанг Чабукиани, который в последний раз восстанавливал свою «Лауренсию» специально для ее выпускного вечера», — пишет Цискаридзе. По его словам, в этот же период у Чабукиани учился Игорь Зеленский, и великий maestro подготовил для пары интересный выпускной: они с Ирмой танцевали па-де-де из «Жизели» и сюиту из «Лауренсии», которая занимала целое отделение, и замечательный номер на музыку Карла Марии фон Вебера «Приглашение к танцу», которым закрывался вечер». В 1987 году Ирма и Николай разъехались в разные города: он уехал в Москву, а она — в Ленинград. Ниорадзе вспоминала, что всегда хотела учиться в Ленинграде. Уезжая из Тбилиси, она попросила благословения у Вахтанга Михайловича. Он одобрил ее решение, хотя считал, что Ирма уже готова к самостоятельной творческой деятельности. Ниорадзе приехала в Вагановское училище, где стажировалась один год. А вскоре была принята в Мариинский театр. «Я всегда мечтала танцевать в этом театре, наполненном живой традицией. Мой путь был сложным, я будто шла по лабиринту. Но, видимо, мне было суждено пройти через большие трудности, на которые я сама решилась», — говорит прима.

В той же книге Надареишвили можно прочесть какую активную творческую жизнь вела Ирма на протяжении долгих лет успешной карьеры: «Грузинская

звезда мирового балета много гастролирует, говорит, что даже не знает, где живет. Местом отдыха для нее стал самолет, в дальних странах она скучает по грузинскому солнцу и аромату роз. Ниорадзе включена в список приглашенных звезд Римской оперы и Венгерского национального оперного театра. Балерина покорила все знаменитые сцены мира и заслужила любовь многочисленных зрителей, она выступала на всех континентах, в сорока городах ста двадцати стран: Большой театр (Москва), Ковент-Гарден и Куин Элизабет Холл (Лондон), Метрополитен-опера (Нью-Йорк), театр Колин (Буэнос-Айрес), Театр Елисейских полей (Париж)».

В одном из интервью она отметила, что несколько лет назад уехала из Грузии, но никогда не порывала связь со своей страной как артистка. Ирма Ниорадзе часто приезжает в Грузию, несмотря на большую занятость, старается принимать участие в отечественных фестивалях и благотворительных концертах.

И потому мы никогда не прощаемся с любимой балериной и всегда ждем новых встреч!

Фото: Шалва Сурамелашвили

«ВИТЯЗЮ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ» ВЕРНУЛИ ПОЗОЛОТУ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Специалисты Национальной парламентской библиотеки Грузии отреставрировали позолоту на обложках фолиантов, возраст которых 136 лет. Издания «Витязя в тигровой шкуре» вновь засверкали, как прежде. Такую сложную работу грузинские реставраторы проводили впервые, долго искали методы, советовались с иностранными коллегами. В итоге книги выглядят так, словно вчера вышли из издательства.

Поврежденный блок, растрепанная обложка... «Витязь в тигровой шкуре» попал в руки реставраторов в плачевном состоянии. Специалисты буквально собирали книги по частям. Реставратор первой категории Национальной парламентской библиотеки Нино Чимакадзе говорит, что позолоту на обложке не было видно совсем: «В плохих условиях материал не смог сохранить золото, и оно полностью стерлось. Вся наша команда была включена в спасение этой позолоты. И мы нашли способ возродить первоначальный вид, это было действительно сложно, все работы проводили под лупой. Мы трудились месяц, но спасли две книги «Витязя в тигровой шкуре». И сейчас позолота на обложках выглядит так же, как и в XIX веке».

«Витязь в тигровой шкуре» — визитная карточка Грузии. В Национальной парламентской библиотеке есть все издания этого произведения, их насчитывается около пятисот. Причем и на грузинском, и на пятидесяти языках мира.

Директор департамента фондов Национальной парламентской библиотеки Леван

Тактакишвили, говорит, что это произведение — достояние не только Грузии, но и всего человечества. «Современный турецкий писатель Орхан Памук как-то сказал: «Вот я получил Нобелевскую премию, но через семь веков кто-нибудь прочтет меня?» А Руставели весь мир читает уже больше восьми веков», — отметил Леван Тактакишвили.

Издания, которые отреставрировали специалисты, несмотря на большой формат, очень изящны. Эти книги выпускали для состоятельных слоев общества. Один экземпляр тогда стоил около двадцати рублей, что равнялось цене пяти коров. Сейчас стоимость книги может варьироваться в пределах тысячи долларов, причем все букинистические магазины мечтают заполучить такой экземпляр.

Л. Тактакишвили так рассказывает об этих фолиантах: «Эти книги издали в 1888 году. Это была мечта тогдашнего грузинского общества. Издания финансировал Георгий Картвелишвили, который этим запомнился нам и вошел в историю. А самое главное наше достижение в том, что мы нашли способ, как можно заново дать жизнь старому ор-

наменту из золотого тиснения. Часть издания была выпущена в кожаном переплете, который дольше и легче сохраняется. А часть — в матерчатом, который хранить трудно. Краска вошла в реакцию с материей, и тиснение выгорело. А мы его восстановили».

Рисунки для книги бесплатно выполнил художник царского двора Михаил Зичи, венгерский живописец из знатного рода, почетный член Императорской Академии художеств. Он много лет работал в России, писал портреты, жанровые сцены, акварели, иллюстрировал книги. Большинство иллюстраций к «Витязю в тигровой шкуре» 1888 года издания отпечатали в Вене, один рисунок — в Петербурге.

Тираж этого издания составлял 2 700 экземпляров. Часть книг поступило в продажу, а семьсот экземпляров издатель подарил Обществу распространения грамотности среди грузинского населения, чтобы после продажи общество приобрело типографию для книгопечатания.

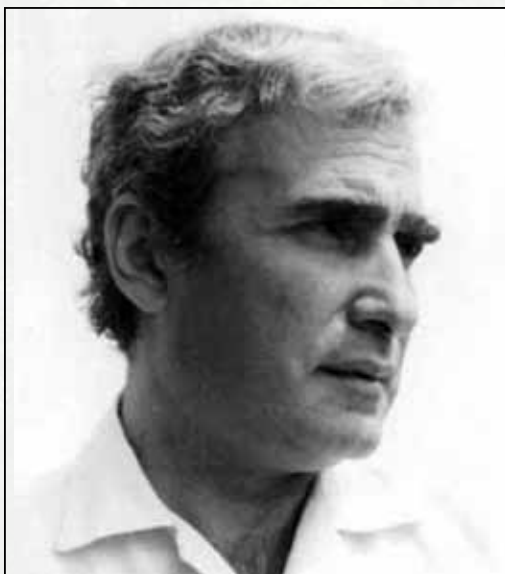

Сейчас в Тбилиси можно найти около сорока экземпляров в хорошем состоянии, а по всей Грузии до восьмисот штук разной степени сохранности.

Реставраторы продлили жизнь двум фолиантам примерно еще на сто лет. «Витязя в тигровой шкуре» 1888 года издания можно посмотреть в электронном виде на сайте Национальной парламентской библиотеки.

КЛАДБИЩЕ

РАССКАЗ

Нодар ДУМБАДЗЕ

Перевод: Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ

— Здравствуй!
— Кто ты? — вместо ответа спросил я, оглядывая высокого мужчину, незаметно подошедшего к могиле.

— Я-то?.. Ваню, здешний, — отвечал тот, опускаясь на базальтовую глыбу. — Здешний я, из Багеби, — повторил он, доставая из нагрудного кармана сигареты.

— Угости меня сигаретой, будь другом, — попросил я.

— Это «Прима».

— Все равно.

Он протянул мне сигарету и чиркнул спичкой. Вспыхнув, пламя озарило его лицо с очень печальными глазами и прямым красивым носом. Ему было бы лет эдак пятьдесят — пятьдесят пять, а может статься, и того меньше, небритое лицо старило его.

Прикрывая спичку обеими руками, чтобы пламя не погасло, он поднес ее к моей сигарете. Огонек, точно пойманный светлячок, трепетал в его огромных ладонях.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Я-а?.. Да я ж тебе сказал, здешний я, тутошний, — растолковал он мне и прикурив свою сигарету.

— А-а-а...

— Я сказал тебе давеча «здравствуй».

— Благодарствуй... добрый вечер! — поспешил я загладить свою неловкость и, как бы в знак извинения, коснулся рукой его колена.

— Кто у тебя тут? — спросил он, кивком головы указывая на могилу.

— Сын.

Ваню внезапно закашлялся.

— Тяжело... — полуспрашивая, полуутверждая сказал он, когда кашель унялся.

— Да что ж это я говорю! — спохватился он, криво усмехнувшись. — Что может быть горше!.. В ту пору я гостил в Кизики, у свойственников. А приехал, так мне сказывали, дескать, такое тут творилось, не передать... И могилу эту показали...

Я ничего не ответил, только кивнул головой.

— Коли задумаешься, то и свихнуться недолго... Прежде

здесь деревня стояла, а нынче вот кладбище. Как раз на этом самом месте у меня сад был... Теперь все мы за реку перебрались. — Он медленно повернул голову, поглядел на приютившуюся на противоположном склоне деревню. — Убегаем, убегаем, а оно, проклятое, за нами по пятам гонится... — Он глянул на кладбище. — Куда убежишь?

— Никуда, — подтвердил я и попросил у него еще сигарету.

— Ты почему ж не написал на могильном камне отчество, год рождения и смерти? — помолчав, спросил Ваню.

— Мне это ни к чему.

— А другим?

— Другим тем более.

Ваню задумался, почесал голову.

— И то правда... А сколько ему было все-таки?

— Пять лет.

— Где же бог, а? — он хлопнул себя по колену.

— Не знаю. — Я поднялся с могильного холмика. Отряхнул землю с одежды.

— Ночью-то не боязно сюда ходить? — спросил он.

— А чего мне бояться?

— Да не знаю... кладбище, как ни говори. Души усопших, призраки, почему я знаю... да и, кроме того, по ночам здесь всякий темный люд шастает.

— Хуже того, что уже случилось, ничего со мной случиться не может.

— И то правда, — согласился он, подумав.

— Что ж, до свиданья, — попрощался я и, выйдя за ограду могилы, прикрыл калитку.

— Иди с миром, и пошли тебе господь утешение, — проговорил он и тоже поднялся.

— Благодарствуй.

Отойдя на значительное расстояние, я оглянулся. Он все еще стоял у могилы моего мальчика. В темноте он казался изваянием из черного мрамора. Сходство было так велико, что, не зная, легко можно было ошибиться. И вдруг мне впервые стало жутко на кладбище.

Почти заброшенное Старо-Верийское кладбище, тихое, осененное густо разросшимися

деревьями, со скромными могилами, лишь немногие из коих были украшены мраморными плитами и памятниками, походило скорее на райский сад, нежели на то, чем оно было. Во всяком случае, так казалось мне и моим двоюродным братьям Зурабу и Вахтангу, когда тетушка моя, Нина, по воскресеньям водила нас туда на могилу своей матери. Тетя Нина была жена моего родного дяди.

Пока она, печальная, сидела, опустив голову, и размышляла бог весть о чем, мы с Зурабом и Вахтангом носились взапуски, играли в пятнашки, в разбойников, выискивали в иссиня-зеленом плюще заброшенных могил птичьи гнезда, полные яиц – пестрых и в маленькую крапинку, точно веснушки, потом, набегавшись вволю, съедали свои бутерброды – ломоть свежего белого хлеба с холодной котлетой и донимали нескончаемыми головоломными вопросами мою зеленоглазую, красивую, как ангел, тетушку.

– Тетя Нина, почему птичьи яйца всегда пестрые или в веснушках?

– Потому что... видишь ли, чтобы птенцы вылуплялись красивые, пестренькие, с разноцветными перышками.

– Мапочка, а почему бабушка умерла? – это спрашивает Вахтанг.

– Потому что, сыночек... понимаешь, она ведь и не умерла вовсе, а просто состарилась очень и ушла от нас...

– А ты тоже уйдешь от нас, когда очень состаришься? – это Зураб.

– Уйду, наверное... конечно, уйду.

– Тогда и мы вместе с тобой уйдем! – заявляет Вахтанг.

– Нет, родной, вам никак нельзя уходить, вы должны ухаживать за моей могилой! – взволнованно возражает тетя.

– Нет, мы тоже уйдем! – упрямо настаивает он.

Тетушка рукой закрывает ему рот и велит нам идти играть. Мы продолжаем играть в этой

тихой обители и лишь к заходу солнца уходим домой.

И вот случилось так, что кладбище с детства вошло в мою жизнь как место, преисполненное удивительной красоты и глубочайшего спокойствия.

Через несколько лет моя тетушка, совсем еще молодая, ушла от нас.

Еще несколько лет спустя оба ее сына с ужасающим упрямством выполнили обещанное, и я возненавидел кладбище лютой ненавистью. Возненавидел настолько, что после всего происшедшего ни разу не посетил ни одной из дорогих могил.

В дальнейшем, когда у меня появилась собственная могила, к моему удивлению, кладбище вновь вернулось ко мне с той особой красотой и спокойствием, которые так пленяли меня в детстве.

– Мы, если можно так выразиться, перешли на рельсы индустриализации, сударь мой... – продолжает говорить мне директор кладбища. – Хозяйство большое, ответственное. Сегодняшнее кладбище – это не то, что вчера было... В нынешнем году мы завершили полную электрификацию и мелиорацию, теперь подумываем о природном газе, знаете ли, для вечного огня. Скажу больше: мы уже начали прокладку труб... Осталось совсем немного, гектара два надо освоить, и если нам помогут... а уж потребность, сами понимаете, большая...

– Пожалуйста, здесь, если можно, – прервал я разглагольствования директора.

– Здесь?! Но за это место уже получен задаток!.. Ладно, так и быть, для вас я это сделаю... – соглашается он после недолгого колебания. – Да, что говорить, место отличное. Прекрасный воздух, роскошный вид на окрестность, тут – Мцхета, там – Тбилиси... И соседи весьма и весьма солидные: это, изволите видеть, профессор Хетагури, это академик Джанджава, это вот врач Татараш-

вили, а это заслуженный педагог республики Гуларидзе... да, да... вот там, правда... но пусть это вас не тревожит!.. Там похоронен знаменитый нахаловский вор Глазастый, но это временно, видите ли, его друзья, воры, должны вскорости перенести его отсюда, желают захоронить на каком-то другом кладбище... Да, да... они-то его и хоронили, и Лабрадор этот из Киева, знаете, тоже они привезли... Кстати, какой вы желаете камень?

– Базальт.

– Так, так. Только, знаете, глядите в оба с каменщиками, чтобы они вас не околпачили, они три шкуры дерут с родственников, совершенно справедливо полагая, что человек, будучи в горе, торговаться не станет.

– Здесь, – сказал я.

– Ясно.

– До свиданья.

– До свиданья, до свиданья, всего наилучшего, и примите мое соболезнование. Кстати, кем вы приходитеесь покойному?

– Это мой сын.

Директор опешил.

– Простите бога ради! Я тут столько болтал!.. Наговорил черт знает что... простите великодушно! – сконфузился директор.

– Ничего, ничего, все в порядке!

– До свиданья!

– До свиданья!

...Я умирал каждый день. Так длилось два года.

На третий год в один из дней я пришел на кладбище ранним утром. Было шесть часов. Стояла удивительная тишина и прохлада. Умиротворяюще шелестела листва, разноголосно пели птицы. Мраморные бюсты, точно испуганные беглецы, выглядывали из-за ветвей.

Долго сидел я на могиле. Постепенно до слуха моего откуда-то издали донесся стук молотка, перемежавшийся со стуком резца скульптора. Я поднялся и, словно по невидимой

веревочке, пошел на эти звуки. И вдруг глазам моим открылось нечто такое, что невозможно передать никакими словами.

— Здравствуй, Ваню, — сказал я, опомнившись от первого впечатления.

— Кто ты?

— Не узнаешь?

Он пригляделся. Узнал.

— А ведь про тебя мне говорили — помирает, мол.

— Да вот не помер, видишь...

Он положил молоток и резец на постамент, отряхнул с себя каменную пыль и сел на скамью.

С постамента на меня глядел поясной портрет юноши в камне. Однако то был не портрет. И не памятник, не барельеф, не горельеф. Я не знаю, что было это. Это было все и ничего в одно и то же время. Изображение человека, высеченное на базальтовой плите вне всякой перспективы, вне пропорций и объемов. Это было нечто, находившееся за гранью искусства, глядевшее из глубины тысячелетий, первобытное творение первобытного человека, имени которому нет. Вернее всего, это был идол, изумленный непознаваемой тайной природы, божество, кумир, но — чему, кому?..

— Что ты здесь делаешь, Ваню? — спросил я и сел рядом.

Он, не отвечая, вынул из нагрудного кармана «Приму», протянул мне, закурил сам, затянулся глубоко-глубоко и продолжал молчать.

— Не видишь, что я делаю? — сказал он наконец.

— Что это, Ваню?

Он опять погрузился в молчание. Докурил сигарету.

— Это мой сын, — глухо говорил он много времени спустя. У меня мороз побежал по спине.

— Что ты говоришь?!

— В прошлом году... в это время... Он забрался на башню Ксанской крепости, на самую верхотуру... выпивши был... и сорвался оттуда... Ребята рассказывали, кто с ним был, — он летел, раскинув руки, как орел...

Эх-хе-хей!.. — кричал, оказываясь... Горе отцу твоему, сыночек! — Ваню искоса, снизу-вверх поглядел на идола.

— Но это что, Ваню? — спросил я через некоторое время, и опять дрожь пробежала у меня по телу.

— Сказал ведь я — сын мой.

— Ты сам это сделал?

— Я сам. Немного осталось. Вот с той стороны...

Он встал, указал рукой на грудь идола.

— Но ты ведь не скульптор, Ваню? — глубоко потрясенный, сказал я.

— Но кто лучше меня знает мое дитя?

— Верно. Но для этого все-таки нужны определенные знания. Ведь это не похоже на твоего сына?

— Кто тебе сказал, что не похоже? Вот его красивые черные глаза, вот изогнутые луки-брови, вот его орлиный нос, и его улыбка, и его мощные шея и руки, его могучие плечи... горе отцу твоему, сыночек! — Ваню говорил и дрожащей рукой проводил по серому камню.

И точно перст господень коснулся безжизненного камня — ожил он, потеплел, заговорил...

Восемнадцатилетний черно-волосый, крепко сбитый парень улыбался мне с постамента. У меня зашло сердце. Ваню умолк, его рука безжизненно повисла, точно подрубленная ветка.

Камень опять стал идиолом.

— А ты говоришь — не похож... и другие так говорят. Но я ведь не для других делаю! Откуда другим знать моего сына?

— Если ты делаешь этот памятник только для себя, поставь его дома, — робко возразил я.

— Его дом теперь здесь.

Я ничего не смог ответить. Встал, собравшись уходить.

— Не уходи, не оставляй меня одного! Извело меня одиночество, — взмолился он, и две крупные слезы выкатились из его глаз.

Смеркалось, когда я вышел

с кладбища.

Напротив парка Ваке завершалось строительство зимнего плавательного бассейна. Большие базальтовые плиты разбросаны были на территории стройки. Подъемный кран медленно поднимал кверху одну из таких плит. Невольно я стал следить взглядом за ее продвижением.

— Эхе-хе-хей! — кричал с макушки здания какой-то парень. Раскинув руки, точно орел, стоял он на самом карнизе и делал рукой энергичные знаки парню, выглядывавшему из кабины крана, — сюда, мол, давай.

В тревоге я сорвался с места, подбежал к зданию.

— Эгей! Брат мой, сын мой, парень! — закричал я во всю мочь своей глотки.

— Чего тебе, дяденька?

— Сойди вниз, прошу тебя, сойди оттуда, не ровен час свалишься!

— Не бойся, дядя, не свалюсь! — весело отозвался он.

— Сойди, заклинаю тебя всеми святыми, спустишься ты оттуда!

Парень в ответ только отмахнулся и продолжал свое дело. Базальтовая плита, медленно колеблясь, плыла в воздухе, поднимаясь все выше в светлое предвечернее небо.

Я очнулся, повернул обратно и зашагал прочь, к дому. Пройдя немного по улице, я все же не выдержал и оглянулся. Парень, точно сказочный богатырь, на вытянутых руках опускал на место базальтовую плиту.

Солнце светило ему в спину, и ореолом сияли лучи над его головой.

Я поглядел на кладбище. Заходящее солнце золотило кущи деревьев за оградой, и оно было скорее похоже на сказочный сад, чем на кладбище. И где-то в самых тайниках души я ощутил необъяснимое умиротворение и спокойствие от того, что в этом раю есть у меня своя могила.

Арчил Бадриашвили

ОН СТРАСТНО ЛЮБИЛ ГОРЫ, И ГОРЫ ЗАБРАЛИ ЕГО

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Август 2024 года оказался в Грузии беспощадным месяцем: он отнял у страны молодого и талантливого альпиниста Арчила Бадриашвили.

О гибели выдающегося грузинского горвосходителя во время тренировочной экспедиции на гору Шхельда (4322 м) в Сванети стало известно 10 августа. Сначала спасателям удалось эвакуировать с горной вершины троих альпинистов, которые и сообщили о смерти своего четвертого соратника и участника группы.

Причиной смерти Арчила, вероятно, стала молния, удар которой и скинул Арчила с высокой горной вершины. Тело альпиниста два дня искал вертолет пограничной полиции: его обнаружили 12 августа на каменистом склоне, на высоте приблизительно 3,8 тысячи метров. Погибшему альпинисту было всего 34 года.

Арчил Бадриашвили — обладатель своего рода альпинистского «Оскара», награды «Золотой ледоруб 2022» (Piolet d'Or). Это международная, самая престижная в альпинизме, награда

присуждается ежегодно французским журналом «Montagnes» и Le Groupe de Haute Montagne с 1992 года. Вручается за выдающиеся достижения в альпинизме. Арчил получил ее вместе со своими коллегами, грузинскими альпинистами Бакаром Гелашвили и Георгием Тепнадзе за восхождение по сложнейшему маршруту на 7300-метровую северо-западную вершину Сарагар в Пакистане. До этого на вершину еще не ступала нога человека. Само восхождение альпинисты совершили в сентябре 2021 года. Церемония награждения прошла во Франции.

Тогда жюри отметило, что основной причиной награждения грузинских альпинистов стало покорение непокоренной вершины небольшой альпинистской командой (всего 3 человека) и особая сложность маршрута восхождения, что потребовало длительного времени и преодоления значительных технических трудностей.

В 2020 году Арчил совершил первопроход по северо-западной стене Ушбы (4710 м) за пять дней и первопроход по юго-за-

падной стене Айламы (4560 м), пишет канал «Энциклопедия Сванети».

Альпиниста Арчила Бадриашвили называли звездой современного грузинского альпинизма. Бадриашвили, одной из отличительных особенностей которого было покорение вершин неизведанными путями, совершил одну из последних важных экспедиций в Индийских Гималаях: на труднопроходимую вершину Нанда-Шори (6344 м) и на сложную и красивую Гималайскую гору пик Чангуч (6322 м).

Кроме того, в 2023 году в Патагонии (пограничная область между Аргентиной и Чили), на самой высокой вершине массива Фицрой, он был участником первой грузинской экспедиции вместе с Темуром Курдиани.

Арчил Бадриашвили родился в 1990 году в Тбилиси. Был врачом, гидом, скалолазом, членом правления Объединенной федерации грузинских альпинистов. Арчил очень радел за судьбу грузинского альпинизма: «Я хочу, чтобы не было границ, чтобы альпинисты дружили, чтобы мы смогли обмениваться опытом, ну и просто дружить в горах», — говорил он.

Последним постом Арчила Бадриашвили в соцсети Facebook стал рассказ о покорении вершин в Индийских Гималаях, которое он совершил в составе международного трио: он, Арчил, француз Эммануэль Пелисье и Марко Презель из Словении. Этот пост он завершил такими словами: «Моей детской мечтой было оказаться в горах с людьми, на чьих историях я вырос. Я лишь мечтал об экспедиции с таким альпинистом, как Марко Презель. Чуть позже я встретил Маню Пелисье, близкого друга Марко, он также занял особое место в моем сердце. Оба крутые мужчины и оба титаны альпийского стиля! Вот с какими эмоциями я вернулся из экспедиции. Извините, что поздно поделился, на то была причина. Мы оставили первые грузинские следы в Индийских Гималаях! Огромное спасибо всем, кто был рядом с нами и думал о нас. Желаю вам счастливого лета и отдыха!»

«ДА НИЧЕГО-С...»

■ **Игорь АЛЬМЕЧИТОВ**

Как известно (а для кого-то, вероятно, это станет открытием) «Наше все», а именно свободлюбивый и часто откровенно противопоставлявший себя бездушному государственному аппарату А.С. Пушкин, сразу после учебы в Царскосельском лицее, в возрасте 18-ти лет высочайшим указом был определен в Коллегию иностранных дел (которая впоследствии была преобразована в Министерство иностранных дел Российской империи). Более того, при поступлении на службу в чине коллежского секретаря Пушкин принес даже обязательную письменную присягу верой и правдой служить самодержавному режиму и российскому императору.

Впрочем, глупо обвинять молодого человека 18-ти лет от роду в конформизме. Тем более в том, что было обязательно-формальным правилом в России при поступлении на государственную службу. Как и судить будущего великого поэта через призму всего лишь одного поступка, который, к тому же, прямо противоречил большинству его последующих жизненных убеждений...

История же, о которой пойдет речь, лишь частично касается службы незабвенного «Алеса́н Сергеича» в Коллегии иностранных дел. И упоминание пушкинского служения отечеству в чине коллежского секретаря является лишь обязательной прелюдией к забавному курьезу, услышанному Пушкиным от одного из старших коллег.

Сам курьез, увы, не несет в себе почти ничего нравоучительного, да и забавным назван только потому, что трудно по-

добрать какое-то иное слово к тому, что узнал Пушкин из воспоминаний своего пожилого сослуживца. Сей казус всего лишь добавляет небольшой штрих к нравам эпохи, которые и формировали чиновничье сословие – с его лестью, чинопочитанием и отсутствием уважения к человеческому достоинству своих же соотечественников. Как и слепой верой в правоту «царя-батюшки», какой бы титул или звание тот не носил в отдельно взятый период отечественной истории и какие бы поступки ни совершал...

Однажды молодому Пушкину пришлось дежурить с престарелым чиновником, который находился на службе в Коллегии иностранных дел уже не первый десяток лет и много повидал на своем веку. Любопытный Пушкин, желая извлечь для себя то ли некие сюжеты для будущих произведений, то ли просто жизненный опыт, начал расспрашивать чиновника про его многолетнюю службу и в числе прочего услышал и эту занимательную историю...

Пожилой коллега рассказал, что еще во время недолгого царствования императора Павла I, произошел с ним на службе один случай.

Сам чиновник дежурил тогда на том же самом месте, где и рассказывал Пушкину эту историю. Дело было за полночь. Неожиданно дверь кабинета распахнулась, в нее вбежал запыхавшийся сторож и объявил, что за ним следует государь-император...

Спустя несколько мгновений в кабинет вошел Павел I и в волнении начал ходить по комнате из угла в угол. После чего приказал чиновнику взять перо и бумагу

и записывать новый императорский Указ. Диктовал император с большим жаром, видимо сильно увлеченный пришедшей ему на ум идеей (как известно из отечественной истории, идеи приходили на ум Павлу I достаточно часто и большинство из них немедленно оформлялись в виде царских указов, хотя многие из тех указов были более чем спорными как для государства в целом, так и для пользы населения Российской империи в частности).

Чиновник начал с заголовка: «Указ Его Императорского Величества», но от волнения капнул чернилами на бумагу. Поддавшись волнению самого императора и испугу, что натворил что-то ужасное, чиновник схватил новый лист бумаги и снова начал писать заголовок, а государь все продолжал ходить из угла в угол и диктовать дальше. Чиновник растерялся совершенно и потерял саму нить мысли императора. После чего пришел в такое ошолбенение, что сидел ни жив, ни мертв и со страхом наблюдал за передвижением государя перед глазами.

Наконец Павел I остановился и потребовал документ для подписи. Дрожащий от страха чиновник подал государю бумагу, на которой был написан только заголовок: «Указ Его Императорского Величества». И больше ничего...

Заинтригованный историей Пушкин спросил задумавшегося и заплутавшего в воспоминаниях чиновника, возвращая того в реальность:

– Так что ж государь?

– Да ничего-с, – ответил уже спокойно чиновник. – Изволил только ударить меня в рожу и вышел.

Коциа Эристави

ПОД НЕБОМ РОДИНЫ ЛЮБИМОЙ...

Из сборника «Гурийцы»

■ **Гурам ШАРАДЗЕ**

Перевод: **Елена КИРИЯ**

Однажды цветок я увидел в саду –
Поникший, пожухший, лежал он в пыли.
Бездумно, бесцельно его сорвала
И вмиг равнодушно отбросила прочь.
И так же, красавица, ты завлекла
Безгрешное, чистое сердце мое.
Ты в шутку хотела меня испытать,
А после отбросить, как бедный цветок.
Хочу чаровницу порой попрекнуть –
Зачем позабавилась с сердцем моим?
Зачем отравила спокойную жизнь?
Зачем до поры ты цветок сорвала?
Цвести бы ему, расцветать бы ему,
И радостно петь бы над ним соловью.
И кто-то влюбился бы, может, в меня...
Кто ж хладное сердце согреет теперь?
(перевод с грузинского Н. Шадури)

Многие, возможно, не знают, что это стихотворение («ერთხელ ვიხილე ბაღში ყვავილი»), полтора века назад ставшее грузинской народной песней, принадлежит перу в свое время довольно популярного писателя, маршала Гурийского дворянства, общественного деятеля Коциа (Константина) Эристави. Песенным голосом этого стихотворения стал голос Кокиния (Николоза) Дгебуадзе, так же как в свое время голос Вариньки (Барбаре) Мачавариани-Церетели превратил в песню стихотворение Акакия Церетели «Сулико».

Даже если бы Коциа Эристави написал одно только это произведение (которое сразу же «ушло» в народ, и его с воодушевлением исполняют и сегодня), этого было бы достаточно, чтобы их создатель увековечил себя в грузинской поэзии.

Именно этот случай имел в виду один скромный исследователь грузинской литературы (литературовед Соломон Цаишвили – прим.ред.), который писал: «В нашей действительности не так мало примеров того, что существует целый ряд поэтов – авторов поэтических сборников, из всего творчества которых жизнь обрели лишь одно или два стихотворения, поскольку стали народными песнями. И благодаря этим песням авторы никогда не будут забыты... Грузины всегда будут помнить и исполнять прекрасные песни: «Когда гляжу на тебя, сладко бьется сердце» Григола Абашидзе; «Люблю я мегрельскую хижину» и «Помню однажды в училище...» Георгия Чаладидели; «Душа и сердце привыкли к мучениям» и «Я – маленький грузин» Дуту Мегрели; «Знал бы я, где ты сейчас и в каком краю...» Нино Орбелиани; «И снова ты, и снова ты, красавица...» Ладо Абашидзе; «Однажды посетит меня обжигающая грусть» и «Я вечно восхищаюсь тобой» Григола Вольского; «О, луна, надежда обжегшихся в любви...» Григола Рчеулишвили; «Хочу быть любимым тобой» Силвана Хундадзе; «Только одной тебе» Шалвы Дадиани; «Саламури» Пл. Лежава...»

«Однажды цветок я увидел в саду» – прекрасный пример любовной лирики Коциа Эристави. И, как рассказывала его дочь, знаменитая киноактриса Чута Эристави, это стихотворение посвящено Фати Эристави, жене Александра Берса, шурина Льва Толстого.

Из интервью Чуты Эристави от 8 декабря 1982 года:

«Александр Берс в 80-х годах XIX столетия служил градоначальником Батуми. Спровоцированный неким анонимом, он приревновал свою супругу Фати к Коциа Эристави, главе грузинской милиции (так называли грузинских сотников, которые участвовали в Русско-турецкой войне). Не имея никаких оснований для ревности, Александр Берс, тем не менее, от имени Фати отправил записку Коциа Эристави: «Я больна, навести меня. У меня к тебе дело». Коциа незамедлительно пришел в дом генерала с сопровождающим лицом. Он быстрым шагом прошел по коридору квартиры, вошел в залу и вдруг услышал за спиной звук выстрела. Он обернулся и увидел, как его спутник упал. Оказалось, пули были предназначены для Коциа, но он очень быстро миновал опасную зону, и они попали в сопровождающего, который скончался на месте.

На Коциа, который чудом избежал смерти, со всех сторон напали солдаты, и, после неравной борьбы, он был схвачен и брошен в темницу.

Не более чем через две недели из Петербурга пришло распоряжение высших властей об оправдании и освобождении Коциа.

Возможно, и по этой, и по другим причинам Фати и ее супруг расстались.

Красивая, изящная Фати всюду была желанной гостьей. Как-то в гостях некий высокопоставленный русский офицер, кичащийся своим положением, нахально флиртовал с Фати, что вызвало возмущение присутствующих.

И тогда Коциа Эристави, предваряя тост за этого офицера, обратился к нему в стихотворной форме:

*Кто ты, бедный русо?
Ты индюк, ты гусо!*

Сын Фати Андрияша (которого называли в честь тестя Льва Толстого) очень любил Коциа Эристави. Во время пребывания в Грузии он все время проводил у него. А в Петербурге, где он состоял на офицерской службе, дружил с братьями Коциа — Нестором и Сашей.

Фати Берс своим изяществом и добрым нравом при-

влекала многих поклонников.

Как нам известно, именно Фати Берс мой отец посвятил свое стихотворение «Однажды цветок я увидел в саду...»

Коциа Эристави — младший современник Акакия Церетели, и его любовная и патристическая лирика, естественно, не избежала влияния поэта, благодаря чему он стал типичным представителем литературной школы Акакия.

Первое стихотворение Коциа «В непогоду» датировано 1877 годом. В это время юному поэту было 18 лет и он направлялся на только что начавшуюся войну между Россией и Турцией. Поскольку эта военная кампания была связана с возвращением исторических земель, молодой поэт обратился к своей родине в стиле Акакия:

Что ж покрыто тучей черной
Небо родины любимой?
Ослеплявшее лазурью,
Что за гнев пал на тебя?

Льются ливнем твои слезы
И стрелой пронзают сердце.
О любимая отчизна,
Я рыдаю, как и ты.

Будет плакать, дай дорогу
Солнцу, светит пусть на радость
И осушит кровь святую,
Что в сраженьях пролита.

Распогодится, и тучи
Разойдутся, и улыбкой
Солнце прочь погонит стужу.
Пусть растает лед зимы!
(перевод с грузинского
Н. Шадури)

Фати Эристави

Автор этих и многих других замечательных патристических, любовных, социальных стихотворений, Коциа Давидович Эристави, родился 16 (28) апреля 1859 года в селе Биркнали, недалеко от Чохатаури, в зажиточной княжеской семье. Коциа принадлежал к той ветви грузинских эриставов, предком которых был сын главы Абхазии Шарвашидзе.

Можно предположить, что в XVIII веке он по какой-то причине перебрался в Гурию.

Гуриели, глава Гурии, принял его со всеми почестями, приблизил ко двору и в своей вотчине назначил главой территории от устья Супсы до Саджавахо.

Таким образом, в части Гурии стали править представители этой ветви Шарвашидзе. Надо отметить, что некоторые из них не забывали своего происхождения и носили двойную фамилию — Шарвашидзе-Эристави (например, Нико Эристави, который издал в Москве «Книгу описи приданого» дочери Геор-

Александр Берс

гия XII Нино Багратиони).

В жилах Коциа Эристави, помимо крови Шарвашидзе, течет кровь Багратиони и Дадияни: внучка Ираклия II и дочь Георгия XII Нино Багратиони в 1791 году в возрасте 18 лет вышла замуж за главу Самегрело Григола Дадияни. В браке родилось шестеро детей: Кетеван (супруга Иоанна Багратион-Мухранского), Леван (в будущем правитель Самегрело), Мариам

(супруга Георгия Эристави-Шарвашидзе), Елена (супруга Гуриели), Екатерина (супруга Дмитрия Шарвашидзе) и Георгий.

Как уже было сказано, Мариам была выдана замуж за мдиванбега (верховного судью) Гурии Георгия Эристави. Их сын Давид, он же Дата, как раз и стал отцом Коциа Эристави. Таким образом, Коциа – потомок Ираклия II, Георгия XII, Нино Багратиони и Григола Дадияни, а также рода Шарвашидзе. А со стороны матери – сын Барбале, дочери Отиа Джаиани.

Кроме Коциа, у Давида и Барбале было еще семеро детей: Георгий, Нестор, Иване, Петре, Александр (Саша), Мариам (вышла замуж за француза де Росси), Сергей (Сережа).

В соответствии со старинным обычаем, родившегося в 1859 году Коциа Эристави отдали на воспитание в соседнее село в семью дворянина Бичи Беридзе, где он рос почти до 12 лет. Воспитатель обучал его охоте, игре в мяч, конному спорту, плаванию, борьбе (чидаоба), бегу и пению...

Настоятель монастыря Иоанна Крестителя монах Фома обучил маленького Коциа чтению и письму.

В сентябре 1871 года его отвезли в Кутаиси и зачислили в знаменитый пансион француза Туре, где параллельно с другими предметами он изучал французский и русский языки.

В пансионе Коциа проучился всего лишь два года. В 1873 году он отправился в Петербург, где должен был поступить в Пажеский корпус. Но Коциа не смог адаптироваться к суровому климату северной столицы и вскоре вслед за своим зятем Д. Мачабели последовал в Австрию, где провел полтора года.

Достаточно образованный и знающий несколько иностранных языков, 18-летний Коциа Эристави в 1877 году возвратился на родину.

Это было то время, когда началась Русско-турецкая война, и для Грузии наступил важный исторический момент: на повестке дня стояла возможность освобождения от многовекового ига турецких захватчиков южных районов страны (Аджария и Тао-Кларджети). Коциа Эристави без колебаний вступил в армию. И

вместе с другими отважными грузинскими воинами в течение двух лет, вплоть до победы, боролся с турецкими завоевателями. Его грудь украсили Георгиевский крест и другие военные награды.

По окончании войны, в 1879 году, Коциа Эристави остался на военной службе во вновь присоединенном Батумском округе. Он внес большой вклад в освобождение от многовекового турецкого ига обращенных в мусульманство грузинских братьев и сестер.

После увольнения со службы в Батуми Коциа Эристави переезжает в Тбилиси и поступает на работу в часть грузинских вооруженных сил (милиции), которой командовал генерал Георгий Гватуа.

Деятельность Коциа Эристави в Тбилиси не ограничивалась одной только военной службой: здесь он сблизился с грузинскими писателями, театральными и общественными деятелями. Он писал стихи, рассказы, пьесы, газетные статьи, этнографические очерки, участвовал в культурных и общественных мероприятиях, поддерживал отношения с Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Сергеем Месхи, Георгием и Нико Николадзе, Мамией Гуриели, Георгием Шарвашидзе...

Произведения Коциа Эристави печатались в газетах «Дрозба» («Время»), «Иверия» и других грузинских изданиях, а в 1887 году стараниями Давида Микеладзе (Мевеле) и Петра Мирианашвили был издан «Сборник стихов кн. Коциа Давидовича Эристави».

Помимо писательской деятельности, Коциа Эристави проявил себя и на общественной арене: в 1895 году его избрали предводителем дворянства (маршалом) в Гурии (Озургетский округ). На эту должность он избирался пять раз подряд и целых 22 года (до того, как случилась Февральская революция 1917 года), «Коциа-маршал» блестяще справлялся с почетной обязанностью и сделал много хорошего для жителей края: открыл одногодичные и двухгодичные сельские школы, книгохрани-

лища-читальни, больницу и учреждения культуры.

О вкладе Коциа Эристави свидетельствует избрание его в разное время в члены Общества распространения грамотности среди грузин и Грузинского драматического общества. А в 1909 году он был избран председателем Кутаисского драматического общества (его пьесу «Слепой» опубликовали в 1905 году в Кутаиси, и она неоднократно ставилась на кутаисской, батумской, тбилисской сценах).

9 февраля 1911 года Коциа Эристави был избран действительным членом Историко-этнографического общества Грузии, о чем ему сообщил письмом основатель и председатель общества Эквтиме Такашвили.

Еще более плодотворной стала деятельность Коциа Эристави после Февральской революции 1917 года и восстановления независимости Грузии 26 мая 1918 года.

Однако радость оказалась преждевременной: 25 февраля 1921 года в результате большевистской оккупации Грузия потеряла независимость и вновь оказалась в оковах России – теперь уже «красной» империи.

Тем не менее, Коциа Эристави продолжил заниматься писательской и общественной деятельностью, но ему тяжело давались примирение и взаимоотношения с новой властью. В подтверждение этого, приведем два случая.

Как-то один молодой советский фельдшер спросил его: «Вы правда в течение 25 лет были маршалом?!» – «И что с того? Лучше бы я один год прослужил фельдшером...»

Прогуливаясь по проспекту Руставели, Коциа Эристави наткнулся на знакомого продавца, который, смело похлопав его по плечу, спросил: «Как дела, дядюшка?» Возмущенный Коциа, не задумываясь, бросил ему в ответ: «Плохо, уважаемый, я до того поплохел, что ты меня за своего дядю принимаешь!»

Но и при советской власти Коциа оставался драматургом, сценаристом, киноактером и журналистом: в 1926 году он написал сценарий фильма «Последний владелец Лазистана»; блестяще исполнил главную

роль Батонишвили в снятой в 1927-29 годах киноленте Ал. Ццунава «Восстание в Гурии»; в 1930 году отдельной книгой вышел его рассказ «Хан Алмаг»...

Коциа Эристави скончался 26 декабря 1931 года в Тбилиси.

Супругой Коциа Эристави была Вера Симоновна Бакрадзе, в браке родилось трое детей – Георгий, Мариам (Мари) и Чута (Елена).

Георгий Эристави – художник, работал в Академии художеств и Государственном музее искусств Грузии. Совместно с выдающимся грузинским художником и большим мастером музейного дела Дмитрием (Дито) Шеварднадзе внес заметный вклад в копирование и спасение старинных фресок.

Мариам Эристави, геолог по профессии, работала в Институте геологии. Известная своей красотой, Мари Эристави была музой Григола Робакидзе.

Елене (Чуте) Эристави, знаменитой грузинской киноактрисе 1920-1930-х годов, Константин Гамсахурдия оставил автограф на одной из книг, выпущенной в 1924 году: «Госпоже Чуте Эристави-Жгенти, последней старинной грузинской живой фреске. Автор».

Аристократическая красота и утонченность дочерей Эристави привлекли внимание знаменитого русского поэта, переводчика на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» Константина Бальмонта – он посвятил им экспромт. Вот как рассказывает эту историю, основываясь на повествовании самой Чуты Эристави, киновед Гоги Долидзе: «1917 год. Выдающийся русский поэт К. Бальмонт, который к тому времени уже перевел на русский «Витязя в тигровой шкуре», находился в Тбилиси и вместе со своими друзьями Сандро Канчели, Гиго Диасамидзе и Георгием Амиреджиби наслаждался в кафе «Дарбази» знаменитыми водами Лагидзе. Три красивые грузинские девушки за соседним столиком привлекли внимание Бальмонта. Это были Чута Эристави, ее старшая сестра Мария и их родственница Лида Джапаридзе. Очарованный поэт заинтересовался у Сандро Канчели, кто они. Потом взял бумагу, экспромтом написал стихотворные строчки, подошел с почтением к девушкам, положил на стол листок, прочел стихотворение наизусть и вежливо простился».

А вот и само стихотворение:

Было нас в кафе четыре,
Как сиротки в скучном мире.
Вдруг вошли, как три зари,
Чута, Лида и Мари.
Имя Лидии воспето
В древнеримском сне поэта,
Имя Чута – целый лес
Шелестящих чу-чудес.
Но всего звучней морские
Всплески в имени Марии,
И желанна ты очам,
Цвет мой алый, Мариам.

В личном архиве уже ушедшей из жизни киноактрисы было обнаружено трогательное поэтическое посвящение – за год до Бальмонта, в 1916 году, вдохновленный красотой Чуты Эристави, его написал Ник. Бабилов. До сих пор оно оставалось неопубликованным:

Чута Эристави

КУПАВА

Княжне Елене Константиновне Эристовой

Как ландыш нежно-белый, что возрос
Под лаской светлокудрого Апреля,
Таящий блеск и влагу светлых рос
В душистых колокольчиках, и грез
Исполненный, легенду колыбеля;
Как нежный перламутровый расцвет
Жемчужный, и опаловый, и лунный,
И снежный, снова нежный пересвет,
Ко взорам взор, где каждый миг прогрет
Где в серебре весь жар золоторунный;
Как ландыш, весь девический и юный,
Апрельскою улыбкою согрет...

Чута Эристави, как мы уже говорили, была звездой грузинского, российского и украинского кино 1920-30-х годов. Ее снимали режиссеры А. Бекназаров в фильме «Отцеубийца» (Тбилиси, 1924), И. Желябужский в «Дзина Дзадзу» (Москва, 1925), И. Кавалеридзе в «Прометее» (Киев, 1935). Чута Эристави вышла замуж за юриста, члена Коллегии адвокатов Григола Жгенти. Их дочь, профессор французского языка и литературы Ирина Жгенти – жена Акакия Дзидзигури, видного общественного деятеля, одного из основателей Национального телевидения Грузии. Внучка Чуты – прославленная грузинская певица Медея Дзидзигури. Сын Медеи и журналиста, сценариста, редактора Гиви Бараташвили – известный тележурналист Бидзина Бараташвили. Самая младшая представительница этого именитого рода – Елена Бараташвили, дочь Бидзины Бараташвили и Наны Гугушвили...

Женская сборная Грузии по футболу

ЖЕНСКОЕ ДЕЛО

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Читателям журнала хорошо известно о ярком выступлении национальной мужской футбольной сборной Грузии на ЧЕ-2024 в Германии. Наша команда была дебютантом чемпионата, показала красивую игру, сумела выйти из группы и в 1/8 финала проиграла Испании, которая стала чемпионом Европы 2024 года.

Сегодня мы расскажем о достижении национальной женской сборной Грузии по футболу, которая успешно выступила в матчах квалификационного этапа ЧЕ-2025, вышла из группы и впервые получила право играть в плей-офф квалификации. Такого успеха наша женская сборная ранее никогда не добивалась. Успех пришел заслуженно — наши девушки продемонстрировали техничную и яркую игру, порадовав многочисленных поклонников и удивив специалистов и любителей во многих странах.

В своей группе наша сборная дважды выиграла у Кипра, дважды сыграла с Литвой, дважды проиграла Беларуси. Решающей оказалась победа над командой Литвы в заключительном матче группового раунда отборочного этапа чемпионата Европы. Грузия выиграла со счетом 1:0, наша команда набрала 10 очков, заняла в группе второе место и вышла в плей-офф квалификационного этапа.

19 июля в Ньоне (Швейцария), в штаб-квартире УЕФА, состоялась жеребьевка полуфинальных матчей плей-офф. Наша женская футбольная сборная проведет игры с многоопытной сборной Ирландии. Первая встреча состоится в Тбилиси 23 октября, ответный матч пройдет в Ирландии 29 октября. Победитель выйдет в финал плей-офф квалификации и встретится с победителем пары Уэльс-Словакия. Матчи пройдут

27 ноября и 3 декабря. Победитель финальной пары примет участие в чемпионате Европы в июле будущего года в Швейцарии.

Из истории женского футбола Грузии

Первые женские футбольные команды в Грузии появились в 1970-1980 годах. Команда «Иверия» (Тбилиси) в 1987 году заняла второе место на всесоюзном турнире на приз еженедельника «Собеседник» в Кишиневе, а в 1988 году стала победителем первого неофициального чемпионата СССР, прошедшего в Подмоскovie (Кашира). Голкипер «Иверии» Ирина Мерабишвили в 1987-1988 гг. дважды была признана лучшим вратарем СССР, в конце 1980-х несколько наших футболисток — Ирма Кардава, Нана Гелбахиани, Эка Шешаберидзе, Нана Шубитидзе, Ирина

Мерабишвили — приглашались в сборную СССР. В женском футболе успешно работали тренеры Аврори Талахадзе, Нукри Чигогидзе, Рамаз Маглаперидзе и другие. В начале 1990-х годов женская сборная Грузии выступала в ряде международных турниров, а в конце 1990 годов — в отборочных матчах ЧЕ. В начале 2000-х были трудности, вызванные экономическими и другими сложностями. Потом интерес к женскому футболу вновь стал возрастать, а с 2016 года начали проводить полноценные чемпионаты Грузии. Сборная страны несколько раз выступала в отборочных турнирах ЧЕ и ЧМ, но успехов долгое время не было, и это понятно — нашей команде противостояли опытные сборные стран, где количество футболисток в 10-50 раз превышало количество наших спортсменок, а инфраструктура и материальные

Девичья сборная Грузии по футболу

Ирис Антман

условия были гораздо лучше.

В последние годы активно работает Федерация женского футбола Грузии, президентом которой является Нино Сордия — дочь известного футболиста кутаисского «Торпедо» и сухумского «Динамо», тренера и футбольного менеджера Гарри Сордия.

В последние годы популярность женского футбола в Грузии росла, количество футболисток и команд-участниц увеличивалось, и можно было ожидать, что наши

клубы и сборные Грузии смогут добиться лучших результатов в международных турнирах. К счастью, наши ожидания оправдались.

С марта 2023 года по сегодняшний день главным тренером национальной женской футбольной сборной Грузии является Ирис Антман — бывший вратарь и экс-капитан женской сборной Израиля. Антман хорошо известна и как тренер — в течение 7 лет она была руково-

дителем девичьих возрастных команд в Израильской молодежной футбольной Академии, была главным тренером девичьих сборных Израиля, затем — ассистентом главного тренера национальной женской сборной Израиля. Антман и тренерский штаб внимательно наблюдают и за играми девичьих сборных Грузии — за теми футболистками, которые в ближайшие годы могут стать кандидатами в национальную сборную страны.

В апреле текущего года девичья (U-16) футбольная сборная Грузии стала победителем прошедшего в Сан-Марино Кубка развития УЕФА. Это вторая победа наших девушек в таком турнире — впервые Кубок развития УЕФА наша сборная выиграла в мае 2018 года.

В ноябре 2020 года женская футбольная команда «Ланчхути» сотворила две сенсации — со счетом 2:1 выиграла матч квалификационного этапа Лиги Чемпионов Европы у «Окжетпес» (Кокшетау), а затем в следующем раунде квалификации со счетом 1:0 победила румынскую «Университатя Олимпи Клуж». «Ланчхути» стала нашей первой футбольной командой, вышедшей в плей-офф ЛЧ.

ДОНЕЦКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ И БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

На вопросы нашего корреспондента отвечает Татьяна Кравченко, Народная артистка России, одна из ведущих актрис московского театра «Ленком», исполнительница роли Валюхи в комедийном телевизионном сериале украинской студии «Квартал 95» «Сваты», последний сезон которого, между прочим, снимали в Грузии.

— Как вообще вы решили стать актрисой?

— Мама хотела стать актрисой, но побоялась. Видимо, и мне передалось это желание. Сколько себя помню, мечтала сниматься в кино. В школе тогда был предмет рисование, и однажды нам задали нарисовать свою будущую профессию. Я нарисовала киношную пленку, а в одном из кадров — себя. Откуда это в четвертом классе? Божий промысел... И я не просто мечтала — была уверенность, что я добьюсь. Мне главное было украинский говор исправить. Хотя через много лет для «Сватов» мне пришлось его снова восстанавливать — такая ирония судьбы. Мне повезло, что в Донецке у меня был приятель, который давал запретные книги читать, Набокова, например, — образовывал меня. И дома у нас была большая библиотека. Я много читала — Джека Лондона, Ромена Роллана... Это, конечно, тоже помогло мне поступить. С первой попытки поступила в Щепкинское училище. У меня кличка была в училище Таня-Отбойный Молоток или Таня-Шахта — очень упорная была. Через год меня заметила Алла Тарасова и просто переманила в Школу-студию МХАТ — сразу на второй курс. На выпускном спектакле был Марк Захаров и сразу же пригласил меня в «Ленком». Я была молода и всему радовалась — и в массовке стоять, и ситуации, и коллективу, любовалась, как играют Евгений Леонов и Инна Чурикова. И конечно, все это была школа. Компания у нас в «Ленкоме» была прекрасная — Абдулов, Проскурин, Янковский...

— Ваша семья в детстве была полной, но не слишком счастливой. Оказывается, вы и не Кравченко вовсе?

— У меня вообще с фамилиями чехарда. Моего отца звали Василий Токарев, но я его никогда не видела. Он умер, когда мне был всего месяц. Потом в детском саду я стала Карлаш, по маме. Позже мама вышла замуж и меня удочерил отчим Эдуард Яковлев. Я стала Яковлева, под этой фамилией и поступила в институт. Следующей моей фамилией стала фамилия мужа — Лавинская, в конце четвертого курса. А когда я пришла в театр «Лен-

С Леонидом Куравлевым в фильме «Опасно для жизни!»

ком», я уже развелась и снова стала Яковлевой. Это был 1976 год – тогда блистала актриса Ольга Яковлева, начинала свой путь Марина Яковлева. И тогда Марк Захаров сказал: «Яковлевых много, надо поменять фамилию, чтобы вас пресса не путала. Какие еще есть в роду?» Фамилия Карлаш Марка Анатольевича не устроила. А фамилия моей бабушки Кравченко понравилась. «В правительстве много хохлов, и вы скорее получите звание», – пошутил он. Звание, кстати, дали не скоро... Я не видела свою бабушку Александру Павловну, но от мамы знаю, что она была учителем и моя мама ее очень любила. Так я стала Кравченко. Отчим тогда очень обиделся на меня, но я ему объяснила, что актеры вообще берут иногда псевдоним, зато у меня осталось его отчество, хотя могла поменять на Васильевну, по отцу.

– Зато биологический папа подарил вам необыкновенные гены.

– Именно это, кстати, сказал мне режиссер Георгий Шенгелия, когда мы выпивали после съемок его фильма «Ехай!» Мы там игра-

ли с Володечкой Ильиным. Мне эту историю рассказала мама. Мой биологический отец был сибиряк, шахтер. Во времена Сталина сидел в лагерях. Конвоиры проводили «естественный отбор» и развлекались так: в яму с медведем бросали заключенных.

С Виктором Раковым в спектакле «Шут Балакирев»

Кто выживет – молодец! И вот однажды они побили отца и бросили в яму. А он в свое время со своим отцом ходил на медведя. И ему удалось ударить медведя в пасть кулаком, а другой рукой задушить: крупный был мужчина. Так и выжил.

– С мамой у вас были непростые отношения?

– Я всю жизнь стараюсь находить ей оправдания, ведь она моя мама... Я считаю, что недополучила в детстве любви, внимания, ласки. Хотя хорошо училась, особых хлопот не доставляла. Меня не за что было лупить, но мама находила за что... Она сама страдала, потому что была ребенком жертв репрессий, ее отца репрессировали. У нее тоже было тяжелое детство. С другой стороны, когда ж ей было уделять мне внимание, если она много работала и еще надо было свою личную жизнь устроить? Время такое было, в нее все пальцем тыкали, что родила незаконнорожденную. Потом появился Эдик, который женился на ней, но все время попрекал: «Я взял тебя с твоим крокодилом». Это про меня. У них появился общий ребенок, моя сестра. Конечно, она пользовалась большим вниманием и любовью, чем я... Я не знала, что он не родной отец, пока однажды случайно не нашла документы о его отказе от удочерения – он написал это во время ссоры с мамой, они уже часто ругались. В доме все вре-

мя был крик, ор на ровном месте. Если бы я не уехала из дома в 17 лет, все кончилось бы психушкой. Отчим не верил в меня, говорил: «Посмотри на себя в зеркало, какая ты актриса?» А мама же купила мне путевку в Москву (она работала тогда в профсоюзе) и сказала: «Поезжай, попробуй». Но когда я поступила, мама была очень удивлена, недоумевала. Возможно, она просто мне завидовала, что у меня получилось то, что ей не удалось. Говорила: «Я бы лучшей артисткой была, чем ты». Самым тяжелым было то, что она укоряла меня моим рождением, что если бы не я, то ее жизнь сложилась бы иначе. Это было болезненно, я же не виновата, что она меня родила... Сейчас маме 93 года, она уже давно живет в Москве. Я ее забрала из Донецка, сейчас как бы она жила там одна? Я ей помогаю материально, молюсь за нее, и с сестрой у нас хорошие отношения. Считается почему-то, что дети должны быть благодарны родителям. А родители разве иногда не должны быть благодарны детям, если дети этого заслуживают? Я думаю, что она и не гордится мной, и благодарности не испытывает, по крайней мере, я этого не чувствую. Даже отчим, кажется, больше мной гордился.

— В интернете ходят слухи о том, что к вашей семье имел какое-то отношение Немирович-Данченко...

— Это все очень преувеличено. Немирович-Данченко, женившись на баронессе Корф, приезжал в места, где жили Карлаши — родичи моей мамы. И в один

из своих приездов он увидел маленького Ивана, моего дедушку по матери, и сказал: «Из тебя учитель получится». Дед, кстати, потом и стал учителем. То есть Немирович-Данченко предрек ему дорогу в жизни. Это я знаю со слов мамы. Вот и вся история. — *Вы себе нравитесь на экране?* — Нет, не нравлюсь. Мне с детства не внушали, что я хорошенькая, а сейчас смотрю на себя в молодости, думаю: «Ну ничего была все же». Но мне нравятся мои роли, я люблю всех своих героинь. Никогда не хотела поменять амплуа. А Наталья Гундарева, например, хотела. Она хотела совсем уйти от своей пухлости, чтобы расширить диапазон ролей. Я с Наташей играла в ее последнем фильме «Криминальное танго». Помню, она все время пила кефир и уже совсем худая была, и ей это очень нравилось. А я никогда этого не хотела. Я соответствую своему амплуа, поэтому вопрос про похудеть никогда для меня не стоял.

— *Зрители ставят знак равенства между вами и вашей Валюхой. На сколько процентов вы — это она?*

— Мне часто задают этот вопрос. Конечно, 70 процентов успеха истории в том, что режиссер приглашает актеров, похожих на героев его замысла. Я так же, как моя героиня, люблю всех вкусно и обильно накормить, поплакать люблю, пошутить люблю, детей люблю. Я как-то спросила продюсера и сценариста Андрея Яковлева: «Как тебе в голову пришло, что это должна быть я? А он ответил: «Я посмотрел спек-

такль». Кстати, сейчас редко кто из режиссеров ходит по театрам для выбора актеров, вместо них агенты ходят. А он пришел в театр и посмотрел «Шут Балакирев», я там играла Анисию Кирилловну Балакиреву. И пригласил меня на роль. Так же он увидел Федора Добронравова в спектакле у Райкина. И решил нас соединить. Не было даже проб. Актерский тандем сложился сразу. И подружились мы тоже сразу. Божий промысел...

— *Фильм снимался много лет. Можно было устать друг от друга...*

— Наоборот, на третьих «Сватах» я влюбилась в Федора. Мы с ним в кадре или лежали в койке, или я готовила для него. Это же главные признаки семейной жизни, как тут не влюбиться? Да в него и нельзя не влюбиться, он обладает удивительным обаянием. Там, где Федя, — там смех. Я очень переживала, кокетничала, делала себе маски, очень старалась хорошо выглядеть. Журналисты все время спрашивают, что было между нами. Ничего между нами не было, хотя я была не против, потому что была не замужем, но он оказался прекрасным семьянином. Сейчас я ему благодарна, что он не пошел навстречу моей прихоти. А самое главное, что все это легло на роль, и ничего не надо было изображать.

— *Последних «Сватов» снимали в Грузии...*

— Да. Я оказалась в Грузии впервые. Но мне так понравилось, что была бы рада остаться еще на недельку-другую, будь такая возможность. Единственная сложность — это жара, а в остальном все было прекрасно, люди тепло принимали, многие подходили во время съемок, чтобы увидеть любимых героев, сказать добрые слова.

— *Если говорить о ваших партнерах в жизни, а не на экране...*

— Мой первый брак был студенческий, там была страсть. Я была влюблена в него, впрочем, как почти во всех мужчин, которые у меня были. Лавинский был очень интересный, и у него, кроме меня, было много девушек. Я тогда окончила институт, и, чтобы остаться в Москве, мне нужна была прописка. Я ему честно об этом сказала. И они с его мамой, можно сказать, рискнули — про-

С Федором Добронравовым в сериале «Сваты»

«Сваты» в Грузии

писали меня в своей квартире. В то время же было сплошь и рядом, что таким образом провинциалы оттяпывали квартиры у москвичей. После того, как мне дали общежитие и отношения у нас уже были не очень, я тут же выписалась из их квартиры. Поблагодарила его маму за прописку, даже сделала ей подарочек. Мы нормально расстались и продолжали общаться. Со вторым мужем, Анечкиным отцом, мы расстались плохо и не общаемся. Как отец он оказался тоже никудышным.

— В свое время СМИ долго обсуждали ваш роман с Андреем Леоновым. Как вы сейчас вспоминаете эти отношения?

— Я рада, что этот роман был в моей жизни. Одно из самых светлых моих воспоминаний. Андрюша тогда был очень молодой, романтичный и, видимо, очень влюбленный. Я немного старше была. Неизвестно, во что бы это вылилось, если бы мы остались вместе, потому что это была одна романтика, никакого быта. А быт, как известно, разрушает многие отношения. И к тому же его родители были против. Но это были очень чистые и красивые отношения. Сейчас я очень рада, что у него все сложилось в творчестве — и в кино, и театре.

— Вы теперь одна. Жалеете о ком-нибудь из своих мужчин?

— Ни о ком не жалею. Моя мама

всегда мечтала в старости иметь мужчину, с которым можно погулять по парку. Я — нет. Я абсолютно довольна своим одиночеством. Я не стала ни для кого музой. Может быть, не тех мужчин выбирала. И вообще, в нашей среде нет ни настоящей любви, ни дружбы — это все театр. Я по молодости отдавалась этим отношениям, всегда получала только пинки, и поняла, что тут даже не надо пытаться искать душевности. В нашем мире витает конкуренция — или я просто неправильно понимаю дружбу. У меня есть дочь, и я дружу с дочерью. Я могу предстать в негативе перед Анечкой, она меня не осудит, не будет укорять, только поможет мне, поддержит. Я к ней отношусь так же.

— Значит, вы — счастливая мама?

— Я счастливая мама. Я люблю свою Анечку. Конечно, в подростковый период у нас были недопонимания, тем более что я актриса. Но я умею извиняться и часто извиняюсь перед ней. Я совсем не авторитарная. Я мало себя люблю и вообще не понимаю, что значит себя любить. Люблю свою дочь, природу, Бога. Со мной по молодости могло случиться все что угодно. Этот безудержный провинциальный донецко-шахтерский темперамент давал о себе знать. Я попадала в такие ситуации, что если бы меня сверху не охраняли, то... Я — продукт времени,

тогда все ярко жили, тем более актеры. Сейчас понимаю, что мне повезло сохраниться, и благодарю за это Бога.

— Не жалеете, что слава пришла к вам так поздно?

— Знаете, в юности мне дали книгу по хиромантии на одну ночь, и я увидела на своей ладони, что у меня будет популярность, но поздняя — после 50 лет. Конечно, в молодости хочется, чтобы узнавали, чтобы не путали. Но я даже рада, что популярность ко мне пришла поздно. Звездная болезнь мне уже не грозила. Я не могу жаловаться на судьбу. Ну не стала сразу звездой, и слава богу! Потому что это очень чревато — вот так быстро взлететь. Падать больно. Мне все нравится в моей судьбе. Я сейчас с удовольствием езжу с антрепризами. Люди ходят, потому что любят меня. Мне Пельцер еще говорила: «В каждом возрасте есть своя прелесть». И действительно, сейчас отошли все переживания по поводу «звезда — не звезда», «узнают — не узнают». Какие-то страхи ушли — например, боялась летать самолетами, сейчас равнодушна. Мне приятно, что я уже все спокойно оцениваю. Гармония в душе не всегда, но чаще, чем в молодости. Я благодарна Господу за все, что в моей жизни было. И еще благодарна за то, что мне подарили старость...

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ НА ЗЕМЛЕ

■ Годердзи РТВЕЛИАШВИЛИ

На склоне лет – ничего не делаешь! – человек вспоминает свое детство, юность, анализирует пройденный жизненный путь. Вот и меня потянуло душой в далекие годы...

50-е годы прошлого века. Авлабар, подъем Бараташви-

Годердзи Ртвелиашвили с женой и сыном

ли, итальянский двор на склоне горы. Мы, мальчуганы колоритной улицы, играем в лахти и грдзели вири (в переводе с грузинского – «длинный осел», игра наподобие чехарды – прим. авт.), слышна смешанная грузино-армяно-русско-курдская речь. Один велосипед на всю улицу – у Эдика, толстоватого пацана. Его отец руководит «мясными» машинами, у них «ЗИМ», все с ним почтительны. За пять минут катания расплачиваешься вынесенными из дома конфетами и орехами. Эдик – добрый, внимательный и спокойный. Знает себе цену. Стал потом большим человеком – весовщиком на мясокомбинате. Пошел по стопам отца. К большому сожалению, не дожил и до 40 лет...

У нашего с ним дома была общая стена. Правила жизни, обычаи – тоже были общими. Взаимное уважение наших родителей передавалось и нам, детям. Мы чем могли помогали друг другу – словом, советом, и не только. Возмужали, создали семьи, разлетелись по своим семейным гнездам,

но горечь потери родителей одного становилась общей бедой. Не забыть, как в середине 80-х годов, когда не стало моего отца, в заботах этих тяжелых дней, какие-то люди внесли во двор большую коробку, оставили у дверей и ушли. Что там? От кого? Смотрим: отборное, свежее мясо – для поминок. Догадываемся, от кого – от Эдика. В знак уважения за долгие годы хорошего соседства, взаимной поддержки. Непередаваемое чувство человеческого сочувствия и единства, готовности подставить плечо в тяжелую минуту...

1956 год, март. В городе – волнения. Студенты, старшеклассники, взрослые мужчины и женщины огромными толпами собираются в Александровском саду, протестуя против выступления Никиты Хрущева на XX съезде партии о развенчании культа личности Сталина. Я с родителями, после вечернего сеанса в кинотеатре «Руставели», выхожу на набережную Куры. Мы слушаем страстные выступления ораторов. Памятник вождю – весь в цветах. Время, однако, позднее, и родители ведут меня домой. Наутро наш двор гудит – арестовали курдянку Бозоеву, молодую девушку, жившую с матерью и братом в полуподвальном помещении нашего двора. Почему? Зачем? Что ее ожидает? Всеобщее беспокойство и ожидание. Наконец она вернулась – спокойная, улыбается, молчит. Мы не задаем лишних вопросов, с уважением смотрим, завидуем – она знает что-то такое, чего мы не знаем... Бозоевой, можно сказать, повезло – десятки, если не сотни человек в те трагические дни погибли, были арестованы, осуждены...

Школьные годы. В классе все дружат, не разбирая кто какой национальности, да и само это понятие придет лишь много лет спустя, когда произойдут события в Абхазии, Осетии... А пока

– я служу в Советской армии, где все едины, подчинены дисциплине, воинским требованиям. Спим на двухъярусных кроватях – грузины, белорусы, русские, армяне, абхазы, осетины, дагестанцы, чеченцы... Всех фамилий и не вспомнишь – Мглоблишвили, Ахвледиани, Чкония, Дергач, Иванов, Маноян, Осия, Болотаев, Юнусилау... Формируется понимание армейской дружбы.

И вот – проходит более 20 лет после моей службы в армии, и я по рабочим делам приезжаю в Гудауту, в командировку. В кабинете первого секретаря райкома партии прошу разыскать моего армейского друга – абхаза Романа Осия. Через полчаса сообщают – работает главным энергетиком на правительственной даче озера Рица. Добавляют, что он нервничает – кто это его ищет? Прошу передать, что приехал армейский друг из Тбилиси и живет в такой-то гостинице. Вечером в номер стучится Роман. Обнимаемся как братья, не можем наговориться. Конечно, Роман приглашает к себе домой, где меня ждет вся его семья. Весь вечер сидим за большим столом, пьем за дружбу и братство. И, конечно, Рома не отпускает меня в гостиницу – для меня приготовлена отдельная комната. На следующий день я спешу закончить дела, и мы едем на озеро Рица. Ключи от сталинской дачи у Ромы, он показывает все комнаты. Потом сидим у озера, беседуем... Перед отъездом Рома меня предупреждает, что о всех моих последующих приездах он всегда будет узнавать. Так и оказалось. Через полгода я снова приехал в Гудауту, служба гостиницы ему тут же сообщила о моем приезде, и я опять был его гостем. Такое не забывается. Для меня это пример подлинной дружбы, настоящего братства.

Еще одно воспоминание, связанное с армейской службой. Я возглавлял комсомольскую организацию крупного специализированного воинского подразделения в нашей республике. Истекал третий год службы. И тут меня командируют от всех войсковых частей нашего военного округа в Ленинград, на празднование 50-летия Октябрьской революции. Встреча с Героями Советского Союза Михаилом

Егоровым и Мелитоном Кантария, осмотр исторических мест: крейсер «Аврора», Зимний дворец, «Дорога жизни», Пискаревское кладбище... Помню, как мы колоннами шли по Невскому проспекту к Зимнему дворцу, отвечая на приветствия горожан. И весь Невский был украшен цветами... Ленинград, город-герой, потерявший в результате блокады более одного миллиона жителей. Горечь и волнение переполняли наши сердца... Мир должен помнить об этом, все люди должны стремиться к спокойствию и миру.

Прошли годы, но время показало, что уроки истории впрямь не пошли. Горе-политики, пришедшие к власти, не сделали должных выводов, а развал страны способствовал взаимным обидам и притеснениям. Знаменитые слова Юлиуса Фучика «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» потонули в хаосе развала.

Лето середины 60-х. Встречаю молодежную туристическую группу из Чехословакии. На вокзале у лестницы вагона помогаю спуститься молодой чешке. Ясный взгляд, милая улыбка, первое прикосновение руки. Вечером на молодежной турбазе «Спутник» у Тбилисского моря танцуем вместе. Ее зовут Мария, живет в Праге, студентка-биолог. Прошло несколько дней совместного отдыха – Мцхета, Кахетия. Группа уезжает на Черное море, оттуда – обратно в Чехию. На прощание у вагона обмениваемся адресами, дружески обнимаемся. Потом – три года переписки (я служу в армии) и последнее письмо в августе 1968 года с категорической просьбой больше не писать. Я в замешательстве... Почему? Что произошло? Через две недели советские танки вошли в Прагу. Мария бежит в Германию... Прошло более 15 лет. Звонок от друга, помощника министра сельского хозяйства республики: «У меня в гостях корреспондент чешской газеты «Руде право», пишет статью о нашем министре Мгеладзе, о новых методах работы в сельском хозяйстве Грузии, приходи и как историк покажи ему город, Мцхету». Через час я уже у друга. Сидим за накрытым столом, я рассказываю гостю о Марии, прошу ее разыскать, даю адрес. Два месяца спустя полу-

чаю письмо с просьбой выслать приглашение на четырех человек для приезда в Грузию – брат Марии, его жена и два друга, все альпинисты, хотят побывать в Грузии, подняться на Казбек. Осенью 1984 года в аэропорту встречаю гостей. Погостив у меня дома, они отправляются в горы. Вернулись через 10 дней, довольные: «Из нашего округа Пршибрам еще никто не был в Грузии, мы первые». Ну а мне надо ехать в Кахетию на ртвели – студенты вузов помогают кахетинцам в сборе урожая. Мои гости с удовольствием соглашались принять участие, и мы едем в Цители Цкаро, в колхоз, где председательствует знаменитый Арсен Кобаидзе, Герой соцтруда. Каково было удивление местных жителей, когда они узнали, что им в сборе винограда помогают гости из Чехии!

А через год в Чехию поехал я. Конечно, навестил Марию. Познакомился с ее семьей, детьми, семьей ее брата Франто. Наши дети – ровесники, они быстро нашли общий язык. Наконец я задаю ей вопрос, почему она бежала в Германию в 68-м? Ответ: «Советы командовали нам из Москвы, диктовали, как нам жить, не было демократии, партаппарат довлел над народом, а мы хотели свободы». Я не вступаю в дискуссию – мне мешает партбилет. С тех пор прошло почти 40 лет, все в мире изменилось, а проблемы остались те же...

Начало 70-х годов – студенче-

ские годы. На площади у Дворца пионеров ко мне обращается приезжие – мужчина с женщиной. На понятном русском спрашивают, как подняться на Мтацминду. Начинаю объяснять, заодно спрашиваю, откуда они приехали. Туристы из Германии. Предлагаю их проводить и рассказать о городе, ведь я – студент-историк. Они уточняют, сколько это будет стоить. С удивлением отвечаю, что мне не нужны деньги, я люблю свой город и с удовольствием покажу его гостям. Идем вверх по улице Читадзе, поднимаемся на фуникулер, любуемся панорамой города. Спустившись на проспект Руставели, заходим в «Воды Лагидзе». Скромное угощение – хачапури и лимонад Лагидзе. Что еще может предложить студент? Ненадолго расстаемся у гостиницы «Иверия», где остановились мои новые знакомые. А вечером продолжаем экскурсию – гуляем допоздна. На прощание обмениваемся адресами, договариваемся о переписке. Мои поздравительные Виктору Финку и его семье были обязательными в праздничные дни. Помню, я сообщил, что моей дочке исполнилось два годика и неожиданно получил посылочку – платье для малышки. Прошло несколько лет. В 1975 году как руководитель туристической группы приезжаю в Берлин. Отправляю письмо моему немецкому знакомому, с сообщением, в каких городах и гостиницах мы будем жить. Через несколько дней в Дрездене

С армейскими друзьями Романом Осия и Георгием Манояном

С Героем Советского Союза Егоровым и полковником Самсоновым. Ленинград, 1967

звонок в номер гостиницы — вас ждут в фойе. Спускаюсь вниз — и вижу Виктора. Крепко обнимаемся. В номере гостиницы продолжаем беседу за стаканом грузинского вина. Вручаю ему подарки. Он в ответ преподносит мне сделанные своими руками подсвечники — ведь он педагог трудового обучения в школе. Расстаемся поздно вечером... А потом настали 90-ые — перестройка, крах политической системы ГДР, СССР, экономическая разруха. Наша переписка прервалась...

В середине 90-х, будучи в Германии, я видел десятки остановившихся заводов, тысячи немцев, оставшихся без работы. Как-то раз я оказался на стройплощадке, где работала группа русских и белорусских гастарбайтеров. К моему большому удивлению, здесь не строили, а разрушали комплекс из четырех зданий — добротных, построенных качественно, по-немецки. Пройдя по этажам, прочел на дверях кабинетов таблички их бывших владельцев — воинские звания гауптман, обер... Телефоны, канцтовары, пневмопочта, хорошая мебель, ремонт. И все это ломается, рушится на глазах! Огромный нож на подъемном кране режет, дробит бетонные перекрытия и стены этажей... Спрашиваю у старшего немца, руководителя работ, что это за здание, неужели не жалко? Он ехидно смотрит на меня и с некоторым пренебрежением бросает: «Нихт штazi!» То есть, «нет зданию госбезопасности». Оно подлежит разрушению до основания. И по иронии времени, на

моих глазах за немецкие марки его рушили наши молодые русские и белорусские ребята, безработные у себя на родине. Как было не вспомнить, что 50 лет тому назад у нас в Тбилиси на площади Марджанишвили, в связи с реконструкцией площади, в 1946 году немецкие солдаты разрушали немецкую лютеранскую церковь. Таковы горькие парадоксы истории и времени.

Вспоминаю Венгрию. Мы в центре Будапешта слушаем экскурсовода, молодую девушку, которая увлеченно рассказывает о князьях австро-венгерской монархии, показывает памятники и попутно замечает, что на фонарных столбах на площади в трагическом 1956 году повесили двух коммунистов. Я прерываю ее рассказ, а вечером от имени советской группы делаю ей замечание о неподобающих деталях. Она извиняется... Вечером,

гуляя по прекрасному городу, захожу в мастерскую кожгалантерею. В мастерской никого, кроме меня и мастера. Осматриваю выставленные образцы товаров и слышу: «Турист? Откуда?» Отвечаю по-английски: «Советская Джорджия». И вдруг: «Гамарджоба, мегобаро!» В изумлении молчу. Мастер, мешая грузинские и русские слова, объясняет, что в послевоенные годы работал водителем в Рустави, на стройке металлургического завода. Много хорошего вспомнил о наших людях, особенно о Тамрико, продавщице хлеба, которая ему очень нравилась. «Вы хороший, добрый народ, — говорит он. — Меня, вечно голодного молодого пленного венгра, подкармливали, а ребята, коллеги-водители, — настоящие мужчины». Спрашивает, что, мол, хочешь приобрести. Показываю на кожаный ремень. «Бери в подарок от Иштвана-венгра!» Расстаемся как друзья, желаем друг другу здоровья и мира.

Многое изменилось за долгие годы, многое — исчезло навсегда. Смотрю на нынешнюю обстановку с промышленностью и вспоминаю два предприятия — Тбилисский керамический комбинат и Тбилисский жиркомбинат. Второе, которым руководил известный в республике человек Шота Платонович Кутидзе, особенно выделялось. Слово «жиркомбинат» вроде бы малопривлекательное, но именно здесь всегда царил образцовый порядок. Все работники предприятия — в голубых халатах, идеальная чистота в цехах, на территории; более 500

В гостях у Марии Никишка. Пршибрам, Чехия

сотрудников и – целая очередь на трудоустройство; собственный детсад, комната отдыха, общежитие для гостей и студентов, бесплатное кафе для сотрудников, два кафе со своей продукцией в городе, база отдыха, а в кабинете директора – красные знамена как знаки отличия лучшего предприятия в отрасли по всей стране. Вспоминается примечательный случай. Приехал на комбинат лектор из Москвы, читать лекцию о передовых методах работы, о новой экономической политике. Встретили. У входа на комбинат просим лектора надеть халат. Его удивление вызывает улыбку. Главный инженер предлагает ознакомиться с предприятием, технологическим циклом. Проводим гостя по всему комбинату. Весь процесс от сырья до готовой продукции вызывает у гостя массу вопросов... После экскурсии приходим в кабинет директора. Шота Платонович дружелюбно пожимает руку лектора. «Я приехал прочитать у вас лекцию о новых формах экономики, а оказывается – это мне надо у вас учиться, как надо организовывать работу!» – восклицает гость. Лекция, конечно же, состоялась чуть позже, а потом состоялся интересный разговор. Шота Платонович рассказал, как он защищал кандидатскую диссертацию в Ленинграде. Помимо многих технических вопросов на ученом совете прозвучал вопрос и с ироническим смыслом: «А почему уважаемый соискатель не в Тбилиси, а именно в северной столице захотел защищаться?» Ответ был таков: «В 1942 году, когда меня, 18-летнего мальчишку из грузинского села, призвали и я находился в обороне Ленинграда, никто меня не спрашивал, что вы здесь делаете, а давали награды за отвагу, а сейчас я защищаю здесь свою диссертацию, и мне задают такой вопрос. Просто удивительно». В ответ раздался шквал аплодисментов. Защита прошла отлично.

Прошли годы, нет ни керамического, ни жиркомбината, все оборудование в 90-е демонтировали, людей уволили, корпуса разрушили, на их месте появились привезенные из Европы разбитые автомобили, встали автопрофилактики, начали строиться здания – таким оказался

Выпускники со своим любимым педагогом
Эвелиной Андреевной Мосесбековой

новый экономический закон XXI столетия.

...Со многими замечательными людьми сводила меня судьба. С некоторыми дружу десятилетиями – как, например, с одним из педагогов моей школы – Эвелиной Андреевной. Помню, как она воспитывала в нас способности к коллективному творчеству, побуждала участвовать в общешкольных мероприятиях, которые организовывала с блеском. Кто знает, может быть, именно под ее влиянием автор этих строк впоследствии, совсем юным, руководил летним пионерлагерем, потом стал секретарем комсомольской организации крупной воинской части, находился на комсомольской и партийной работе, трудился в органах народного контроля республики, возглавлял одно из подразделений республиканского министерства... Человек формируется человеком. От того, кто находится рядом с тобой в период духовного созревания, взросления, зависит очень многое. Рядом со мной была Эвелина Андреевна. К ней запросто можно было прийти домой, на улицу Павлова. Там я познакомился с ее родителями. Отец моего педагога был участником войны, где потерял руку, ответственным работником ЦК КП Грузии. Я подружился с ее братом Владимиром, мы поддерживали теплые отношения долгие годы, а потом, уже в конце его жизни мне довелось помочь ему в сложной жизненной ситуации... В разные годы я не раз становился гостем моего педагога в Ленинграде-Петербурге, где сейчас и проживает Эвелина Андреевна. Общаемся по сей день – под-

держиваем друг друга советами по здоровью (возраст, ничего не поделаешь!), по ведению дачного хозяйства. Конечно, постоянно сообщаю ей новости из родного Тбилиси. И каждый разговор с ней – это образец истинного человеческого общения, исполненного доброты и внимания.

В Тбилиси в 70-80 годах был известный философ, доктор наук, впоследствии академик Азербайджанской академии наук, коренной тбилисский парень Теймураз Джафарли. Его лекции по философии не были сухим пересказом основ диалектики – он, можно сказать, преподавал основы человеческого поведения и мышления, построенные на жизненных примерах, побуждая своих учеников думать, рассуждать, наблюдать, анализировать. Запомнилась рассказанная им притча. На дороге лежал большой камень и преграждал всем путь. Первый прохожий, споткнувшись о камень, злобно выругался и пошел дальше. Второй присел на камень, поправил обувь и тоже пошел прочь. А третий, приложив большие усилия, сдвинул камень на обочину, чтобы тот не мешал движению, и вдруг заметил, что под камнем лежит кошелек. В кошельке лежали золотые монеты и письмо от короля, в котором он дарил кошелек вместе с его содержимым тому, кто уберет камень с дороги.

Все преграды, встречающиеся на нашем жизненном пути, – не случайны. Каждое препятствие – возможность улучшить наше положение. Надо только задуматься о своих поступках, о своей жизни...

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Бойся равнодушных

Источник: эпиграф к роману Бруно Ясенского «Заговор равнодушных» (в польском оригинале «Главный виновник»):

Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство.

*Роберт Эберхардт.
«Царь Питекантроп Последний»*

Роберт Эберхардт – имя одного из главных персонажей романа, немецкого интеллектуала-антифашиста, антрополога; «Царь Питекантроп Последний» – название его неопубликованной книги.

Бруно Ясенский, польский писатель, в 1925 году принял гражданство СССР, был редактором журнала «Интернациональная литература», членом правления Союза писателей. В 1937 г. был арестован и через год расстрелян.

Бойтесь данайцев, дары приносящих

Иносказательное выражение о подарках, приносящих беды, предостережение от любого дара или каких-либо уступок со стороны врага.

Источник: «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия, в которой содержится латинское переложение эпизода из «Одиссеи». После долгой и безуспешной осады Трои данайцы пошли на хитрость: сняли осаду, оставив у стен горо-

да деревянного коня, внутри которого скрывался Одиссей с вооруженными воинами. Несмотря на предупреждения пророчицы Кассандры и жреца Лаокоона: «Боюсь данайцев, даже приносящих дары», горожане втащили коня в город. Ночью данайцы вышли из коня, перебили стражу у городских ворот и впустили своих воинов в город. Троя пала.

Боливар не вынесет двоих

Иносказательное выражение о том, что из двоих выиграть, победить, спастись должен кто-то один. Поговорка также означает, что если два каких-то обстоятельства не сочетаются, то от одного придется избавиться.

Источник: рассказ О'Генри «Дороги, которые мы выбираем». Боливар – кличка коня. Главный герой, жестокий и алчный, дважды произносит эту фразу: в первый раз, когда (якобы во сне), спасаясь от опасности, убивает друга, у которого захромала лошадь, и скрывается на своем Боливаре в одиночку, во второй – когда обрекает другого друга на разорение ради собственной выгоды.

Болтун – находка для шпиона

Иронический призыв не говорить лишнего.

Источник: подпись к плакату, который 29 июня 1941 г. был размещен на стендах «Окна ТАСС».

В 1950-е гг. выражение было повторено в аналогичном по смыслу плакате:

Не болтай у телефона!

Болтун – находка для шпиона!

Большое видится на расстоянии

Иносказательное выражение о том, что истинное значение какого-либо события можно оценить лишь по прошествии времени.

Источник: стихотворение Сергея Есенина «Письмо к женщине»:

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянии.

Когда кипит морская гладь,

Корабль в плачевном состоянии.

Большой брат (Старший брат)

С английского: Big Brother

Иносказательное выражение о тоталитарном государстве и организациях, осуществляющих контроль и тотальную слежку за населением.

Источник: роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984», в котором описано некое государство, похожее как на нацистскую Германию, так и на сталинский Советский Союз. Большой брат – правитель Океании, единоличный лидер партии, но неизвестно, существует ли он или является образом, созданным пропагандой.

Широкую известность получила фраза из романа: «Большой брат смотрит на тебя» (в другом переводе – «следит за тобой»).

«На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. Большой брат смотрит на тебя – гласила подпись».

ALAIN DELON
1935-2024

В БОРЖОМСКОМ УЩЕЛЬЕ
Фото: Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ